

Моя работа у Антилопы и Бизона продолжалась. Я приходила утром, нянчила Никиту, выслушивала слова благодарности от его родителей, а вечером возвращалась к правозащитникам. Получив аванс, я купила туристическую сумку на колёсиках, чтобы сложить туда свои вещи. Сумка закрывалась на замок.

– Мама, когда дома, всё время твердит, что на самом деле ты нас не любишь, – выдал Тюку Христофор, уплетая бутерброды, принесённые мной с работы. – Но мы-то знаем, что она брешет.

Я грустно вздохнула.

– Папа втайне от мамы купил мне билет в Молодёжный театр. Там актёр скакал по сцене в неглиже, выкрикивал антиправительственные лозунги, а потом задрал по-собачьи ногу и пописал, – поделилась новостями Глафира.

– Как реагировали зрители? – спросила сестру Ульяна. – Среди них нашлись революционеры?

– Зрители разделились. Одни были против выступления, другие – за, они топали ногами и визжали.

– Несомненно, это был успех! – сказала я.

– Полина, а в том фильме, что папа нам показал, на самом деле живые ели мёртвых? – поинтересовался Любомир, с подозрением приносясь к куриной нарезке на хлебе.

– Это же кино. В кино играют актёры... – пустилась я в объяснения и оговорилась от усталости: – Это как

¹Продолжение. Начало см.: «Традиции & Авангард». – 2021, № 3, 4; 2022, № 1, 2.

если бы мы с тобой разыграли сценку про Серую Шапочку и Красного Волка.

В самом конце августа, когда листья московских берёз покрылись золотом, наступил день рождения Льва Арнольдовича. Отпросившись у Антилопы пораньше, я купила ароматную пиццу с шампиньонами и сыром, апельсиновый сок и кекс, памятуя, что еды дома может не быть.

Марфа Кондратьевна предпочитала дома ходить в рваной ночной рубашке или чёрной юбке и блузке – особый «изысканный» штрих, дескать, смотрите: мы юродивые, но занимаемся святым делом, защищаем права людей. Деньгами она ни с кем не делилась, все прятала. Лев Арнольдович изредка помогал Диссиденту Суслику изготавливать контрафактные диски, чтобы купить детям картошки.

День рождения проходил в этих же традициях.

Вернувшись из Мадрида Марфа Кондратьевна с интересом рассматривала две репчатые луковицы, обнаруженные ею в холодильнике. Унюхав принесённую пиццу, она недовольно повернулась ко мне спиной, решив, что я специально хочу выделиться на её фоне.

Подтянулись гости: бабушка-тамада и Диссидент Суслик. Зная о проблемах в семействе Марфы Кондратьевны, каждый из них притащил по две хозяйственные сумки с овощами, хлебом и выпивкой. Правозащитник Мошкин принёс банку шпрот, водку и торт, а затем спросил, что я хочу подарить Льву Арнольдовичу. Я показала ему припрятанный до поры пакет. Заглянув в него, правозащитник присвистнул:

– Повезло Льву!

Я думала, что Саша Мошкин останется, но он, увидев Суслика, изменился в лице и быстро откланялся.

Мы с Глафирой начали делать салат и жарить картошку. Младшие прыгали вокруг нас.

– Что вы подарили папе? – спросила я детей.

– Подарили?! – удивилась Глафира. – У нас это не принято.

– Берите бумагу, карандаши, пишите отцу поздравления, желайте добра и рисуйте картинки! – скомандовала я. – Папа, мы тебя любим! Здоровья! Счастья! С днём рождения! – диктовала я им.

Глафира помогла Ульяне и Любомиру нарисовать разноцветные фонарики. Тюка побагровела от досады и закусила губу.

Когда в кухню пришёл Лев Арнольдович, я вручила ему книгу о философах, новую рубашку и упаковку мужских носков – десять штук. Разглядывая их, Лев Арнольдович воскликнул:

– Иногда, как в бразильском сериале, в жизни случаются чудеса! Спасибо, Поля!

– С днём рождения, папа!

Вытащив из пакета шёлковую рубашку, он едва не зарыдал.

Гости, как выяснилось, потратились только на продукты. За столом все пили вино и шампанское, а я и дети – апельсиновый сок. Лев Арнольдович читал нам стихи собственного сочинения, а Диссидент Суслик счёл уместным рассказать, как сидел в тюрьме.

– Дело было так... – начал он, но Лев Арнольдович его ловко перебил:

– Он ничего не знал... Наивный юноша!

– Меня подставили. – Суслик кивнул и наколол на вилку листик салата.

– Кто?! – оживились мы.

– Друзья.

– Кто же это?! – ахнула я, внимательно посмотрев на Тюку.

Марфа Кондратьевна, сидя во главе стола, с невозможным лицом доедала пиццу.

– Десять лет в лагерях провёл! А всё потому, что друзья попросили картонную коробку поддержать под шифоньером! – жалобно пискнул Диссидент Суслик.

– Подробнее расскажите, Андрей Иванович! – попросила Глафира.

– Как-то раз пришёл ко мне Лев и сказал, что Саше и Потапу требуется помощь. Мол, переезд и некуда вещи положить. Взял я у них коробку и сунул под шифоньер. Смотреть, что в ней, не стал. Не так воспитан.

– Это вы зря! – поучительно вставил Христофор, выудив из консервной банки шпроты и запихнув их в рот, так что оттуда смешно торчали рыбы хвостики. – Я вот по чужим карманам шарю и вам советую. Работёнка, признаюсь, грязная, но зато точно будете знать, с кем водитесь.

Батюшка-тамада подозрительно покосился в сторону прихожей: там стояла его сумка, а я через стол погрозила Христофору пальцем.

– Принесли они коробочку, и прошло уж года два... – задумчиво продолжил Андрей Иванович. – В Москве летом ночи жаркие, все форточки открыты. Не продохнуть! Слышу сквозь сон: стекло трещит. Думаю, кот, наверное, лезет. Но это оказался вовсе не кот, а наркоманы из дома напротив. Выдавили они стекло, забрались в квартиру и стали деньги требовать, иначе пригрозили вспороть живот. Какие деньги?! Помилуйте! Жил я тогда на полрубля в день, меня едва за тунеядство не посадили. Сказал я наркоманам: «Нет денег, отпустите, братцы, ради Христа». Они мне по голове утюгом заехали. Ничего не нашли, обругали матом и свалили, а я остался лежать на полу...

– Ближе к сути давай! – Марфа Кондратьевна зевнула. – Не размазывай, Андрей Иванович!

– Это моя жизнь! – обиделся он.

– Отстань от него, Тюка! – прикрикнул Лев Арнольдovich на супругу. – Пусть Суслик говорит!

– Светало... – торжественно продолжил Диссидент. – И вдруг стёкла «хрусть-дзинь, хрусть-дзинь»: вернулись наркоманы. Потрошить меня будут, думаю. Ломка у них, душа горит, а денег нет. Встал я по-собачьи на четвереньки и пополз в подъезд с залитым кровью лицом. Соседи как раз на работу выдвигались. Я застонал жалобно, попросил, чтобы они вызвали милицию. Милиция приехала быстро. Наркоманы благополучно убежали, а милиционеры решили осмотреть место происшествия. Заглянули под шифоньер – и вытащили коробку...

Андрей Иванович начал задыхаться и замолчал.

– И? – нетерпеливо воскликнула Глафира.

– Впаяли мне десять лет лагерей! – срывающимся голосом прошептал Диссидент.

– Ого! – Ульяна округлила глаза. – Не хило!

– Зато ты друзей не сдал! – подбодрил его Лев Арнольдovich. – Взял вину на себя!

– Я онемел в буквальном смысле, когда ту проклятую коробку открыли. Меня спросили: это твоё? В коробке лежала антисоветская литература и пистолет!

– Вам надо было сказать, что это наркоманы подбросили запрещённые материалы, поэтому и приходили ночью, – лукаво подсказала Глафира.

Марфа Кондратьевна, у которой шампиньон застрял в зубах, яростно пыталась достать его зубочисткой.

– Не прокатило бы. Там его отпечатки имелись! – со знанием дела вставил Любомир.

– У вас, Андрей Иванович, была мечта? – спросила я.

– Например, набить морду этим друзьям? – подсказал Христофор и потряс в воздухе кулаками.

Лев Арнольдovich поперхнулся шампанским.

– Всю жизнь я мечтал научиться играть на гитаре, – тоскливо произнёс Суслик. – Но так и не сложилось...

– Водки! – решительно потребовал батюшка-тамада.

– Надо! – Откашлявшись, Лев Арнольдович подставил стопку.

Я с детьми отправилась в комнату – играть. Видеть захмелевших гостей мне было не по силам.

– Подарю свою гитару Суслику! – решил Христофор. – Тяжёлая у него жизнь! Кругом предатели!

– Андрею Ивановичу, – поправила брата Глафира.

Марфа Кондратьевна, узнав об идее сына, возмутилась, и начался скандал.

– Жадина! Сволочь! – орал Христофор на мать.

– Гитару на мои деньги покупали! Не позволю имущество разбазаривать! – кричала в ответ Марфа Кондратьевна.

– Чтоб ты провалилась, злодейка! – заливался слезами Христофор. – Всю жизнь человеку испортили, а теперь даже гитары лишаете!

– Матери будешь перечить – лишу наследства!

– Правильно отец говорит, что ты барыней себя возомнила!

– Будешь молитвы читать всю ночь перед иконами! – грозилась Тюка.

Но до этого не дошло.

Пока она отвечала на телефонный звонок какого-то иностранного посла, Христофор пробрался на кухню и опрокинул стопку водки. Мужчины не обращали на мальчишку внимания. Только когда у него стал заплетаться язык, они обнаружили, что у них исчезло спиртное.

Лев Арнольдович настойчиво уговаривал Суслика:

– Помиришь с Сашей. Мошкин – человек!

С десятого этажа спустился Вахтанг Давидович вместе с зятем Халилом, и праздник снова набрал обороты.

Аксинью родители заперли в кладовке, и она сидела там, тоскливо завывая.

– Взрослые в нашем доме пьют из бутылок, а потом исчезают, – разглагольствовал Христофор, лёжа на полу у кошачьего лотка.

Около трёх часов ночи я уговорила детей пойти спать. Тюка таких попыток не делала.

День рождения продолжался до рассвета.

В полвосьмого утра я уже была на работе. Позвонила мама и сообщила, что Марфа Кондратьевна ей на меня пожаловалась.

– Но я её отшила, – предупредила мама. – Ты кормишь её детей, купаешь, гуляешь, играешь! Она ничего не делает! Тюка взвизгнула и бросила трубку. Ещё я её спросила: «Вы что, моей дочке деньги платите? Полина спит на шкафу под потолком! Вы ей хоть один раз дали чистое постельное бельё?!»

– Правильно спросила, – похвалила я маму. – Ни одного раза она мне бельё не дала, да и сама спит на неопрятном тряпье. Когда я впервые умыла Любомира, он спросил: «Тётя, что вы со мной сделали?» Я ответила: «Умыла водой». Мальчик удивился: «Умыла?! А что это значит?» Его до меня купали раз в месяц.

– Кошмар! – заключила мама.

Днём, пока я работала, Марфа Кондратьевна науськивала Льва Арнольдовича, чтобы он запретил мне заниматься с детьми йогой.

– Не нужна нам тут чужеродная культура! – заявил он, когда я, уставшая, вошла в прихожую.

Дети, выбежавшие меня встречать, заплакали.

– И книги научные не смей им покупать! – добавил он.

– Может быть, Марфа Кондратьевна сама уложит их спать? – вздохнув, спросила я.

– Ещё чего! – возмутился Лев Арнольдович. – Она не умеет!

– Раз она на это не способна, может быть, она хотя бы перестанет хлопать дверьми посреди ночи?

Ульяна и Любомир захлопали в ладоши:

– Полина, ты наша мама!

Мне удалось приучить Глафиру, что нужно купаться не раз в месяц, покрываясь вшами, а минимум раз в три дня; я научила её расчёсывать волосы, готовить несложные блюда и подметать полы. Она составила себе график и отчитывалась передо мной ближе к ночи. Но, работая по тринадцать часов, я не могла уследить, что в моё отсутствие происходит в квартире. Марфы Кондратьевны не было рядом с детьми, и даже когда она была, от неё не было никакого прока.

Глафира честно пыталась стать добропорядочной хозяйкой. Она усаживала младших в ванну, а Христофора – перед телевизором, пыталась уследить за буйной Аксиньей и наскоро сварить суп. Возвращаясь с работы, я видела, что пена для ванны летает по всем комнатам, потому что Глафира забыла запереть шкаф, а больная Аксинья, довольно урча, ест стиральный порошок и пляшет в голом виде.

Лев Арнольдович страдал то простудой, то похмельем, лежал на раскладушке, материл весь мир, но упорно не вставал. Глафира боялась подходить к отцу.

– Идиотка Глафира! Недотёпа! Дурында! – неслось из его комнаты.

– Полина, – кидалась ко мне измученная Глафира, – Ульяна и Любомир обкакались в ванне, отец пытается с раскладушки управлять вселенной, а я есть хочу...

Голодные кошки фыркали и скребли грязный лоток в надежде, что я его поменяю. На меня мгновенно наваливались дела, и начиналась вторая, неоплачиваемая

смена. Сняв дождевик, который спасал меня от сентябрьского ливня, и не успевая переобуться, в мокрых носках я бросалась чистить кошачий лоток, выносить мусор, отмывать ванну.

После полуночи, когда дети были выкупаны, стиральная машинка запущена, а из груды белья отобраны подушки и пледы, я наливала каждому домочадцу по кружке молока и вручала бутерброд. Лев Арнольдович веселел, вскакивал с раскладушки и начинал по-молодецки шутить, а дети ждали сказок и легенд.

Соседи мирились с тем, что спать мы укладывались глубоко за полночь, а стиральная машина гудела до утра.

– Полина, расскажи что-нибудь! – умоляли Христофор и Ульяна, глядя на меня зачарованными глазами.

На дряхлом пианино, которое настроить сумел бы только гений, я предложила нажимать по одной клавише (учитывая непростую жизнь наших соседей) и при этом закрывать глаза. Пока один ребёнок «играл», другие должны были угадать, что именно он задумал.

Первой вызвалась Глафира.

«Динь-динь-динь, динь-динь-динь...»

Все закрыли глаза, а я сочинила на ходу:

Вижу замок старинный на высоком холме.

И принцессу. Она улыбается мне.

Держит книгу в руках, вся в любовном огне,

Она рыцаря ждёт на прекрасном коне.

– Но вот горе какое: убили рыцаря в драке. К ней прыскает лишь бож на побитой собаке! – встрял Христофор, который умел рифмовать.

– Фу, перестань! Не смешно! – Ульяна дёрнула брата за майку.

Но мы прыснули от смеха.

– А я вижу сосиски, много хлеба, икру... – начал фантазировать Любомир.

– Прекращайте нелепую эту игру! – прошипел в рифму Лев Арнольдович из прихожей, где поджидал жену-получницу с протестного пикета.

– Моя очередь! – Ульяна, растолкав нас, села к пианино.

«Динь-динь-динь, динь-динь-динь...»

*Пойте звонко, менестрели, пойте о волшебных странах,
Где ветра качают лодки в синеоких океанах.*

*Там туман окутал горы, там подземные пещеры,
Там престол и неба своды охраняют люди веры.*

*Динозавры там гуляют, как ручные собачонки,
С ними весело играют и мальчишки, и девчонки.*

Лев и волк не нападают на ягнят и на зайчат.

Менестрели, пусть об этом песни дивные звучат! –

придумала я, изнемогая от усталости и из последних сил карабкаюсь на шкаф.

– Правильно! – захлопала в ладоши Ульяна. – Я загадала мысль о Божьем рае, там никто не обижает зверей! Молодец, Полина!

«Динь-динь-динь, динь-динь-динь...»

Настал черёд Христофора, и мы опять зажмурились.

В эту ночь все не спят, все забыли про пир.

Наступает великий и страшный турнир.

Двое станут сражаться, один – победит.

А второй, как положено, будет убит, –

пробормотала я, проваливаясь в сон.

– Точно, я загадал поединок из-за принцессы! – донёлся до меня радостный голос Христофора.

Марфу Кондратьевну Лев Арнольдovich так и не дождался, заснул в прихожей на диванчике.

Утром в воскресенье мы отправились в Пушкинский музей, где проходила выставка «300 лет американского искусства. Новый Свет».

Очередь в музей начиналась у храма Христа Спасителя, и поначалу мы приняли её за митинг. Дело в том, что верующие стремились побыстрее пройти в храм, а милиция проверяла граждан на наличие взрывчатки.

Люди искусства стремились к полотнам.

– Нам билеты для школьников, – сказала я на кассе, прикинувшись старшеклассницей. Такие билеты стоили дешевле.

Кассирша кивнула, однако строго посмотрела на Глафиру:

– Это ещё кто?!

– Мы ровесницы, – сказала я.

– Что вам шестнадцать, я охотно верю, – ответила мне женщина. – А вот ей все двадцать пять!

– Глаша, покажи паспорт, – попросила я.

Убедившись, что Глафира несовершеннолетняя, кассирша протянула нам билеты для школьников.

Публика в Пушкинском музее заслуживала отдельного внимания. У картин толпились разные люди, например с восьмью серёжками в носу и фиолетовым цветом волос, что немало нас удивило, так как большинство россиян всё же консервативны и не позволяют себе смелых экспериментов с внешностью. Кто-то был одет под ковбоя, кто-то изображал гостя с других планет.

Мы провели в музее три часа.

Очередь в храм Христа Спасителя двигалась быстро, поэтому, выйдя из Пушкинского музея, мы пристроились в её конец. У храма толпились нищие. Я и Христофор выгребли из карманов монетки. Раз люди просят – значит, им нужно. Сам храм более походил на музей, чем на церковь. Следом за нами в храм потянулись люди с фиолетовыми волосами и серёжками в носу, так что мы опять наслаждались той же компанией.

После мы отправились к Новоспасскому мосту, а от Москвы-реки нам навстречу летели разноцветные воздушные шарики: на пароме гуляла свадьба.

– Полина, пойдём в «Макдоналдс», – попросили Ульяна и Любомир.

Мы заняли стол в центре зала и купили колу, картошку и гамбургеры. Я спросила детей, где им больше всего понравилось: в храме или в музее?

– Здесь! – захлопали они в ладоши.

Утром я поехала к своему воспитаннику. Дождь, обрушившийся на Москву, и слякоть под ногами не располагали к пешей прогулке, поэтому я решила проехать на автобусе несколько остановок. Хотелось спать, но я держала в кармане куртки острый камешек. Каждый раз, когда глаза предательски закрывались, я сжимала его что было сил. За окном белой змейкой плыл туман и мелькали неулыбчивые лица прохожих. Я не видела своего лица, но точно знала, что тоже не улыбаюсь.

На кухоньке Антилопы было тесно. Матерчатый диванчик, который тут стоял, на ночь раскладывался. На нём спали родители. В единственной комнатке спали дети – Гарри и Никита, там же располагался ящик с игрушками, книжная полка и шифоньер.

– Повезло ещё: мы снимаем в Москве квартиру, – делилась Антилопа, торопливо собираясь на работу. –

Когда у нас Гарри родился, мы с мужем жили в общезжитии.

Она хлопнула дверь. А я, войдя на кухню, обнаружила, что холодильник стоит криво: складывая диванчик, Бизон и Антилопа не придвинули его к стене.

Никита, проснувшись, издавал призывные крики из кровати.

– Иду, малыш! – сказала я и подвинула холодильник на место.

Из-под него, вся в паутине, вывалилась серебряная заколка. Её украшали зелёные цирконы и переливающиеся агаты. Рассудив, что квартира у Антилопы съёмная, а заколка вся в паутине, значит, осталась от прежних жильцов, я сунула её в карман.

Все будние дни заколка пролежала в моём кармане, а ближе к выходным во мне заговорила совесть. Этот голос я слышала с раннего детства: резкий, громкий, неприятный, он был непримирим к злу, будь оно размером хоть с пылинку.

Отправляя деньги матери и выплачивая непомерный кредит за её комнатку, я не могла позволить себе дорогие вещи, а уж тем более украшения, но это, разумеется, не повод брать чужую заколку. Собравшись с духом, я отдала заколку Антилопе.

– Нашла за холодильником! – скороговоркой выпалила я.

– Надо же! – изумилась она. – Заколка эта давно пропала...

– Рада, что могу её вам вернуть, – пролепетала я, поспешив вернуться к обязанностям няни.

– Пойдите, Полина, подождите. – Антилопа начала рыться в коробке с бижутерией, которая стояла на холодильнике.

Я удивлённо посмотрела на неё. Мы не были друзьями, но всегда проявляли друг к другу почтение, и мне ис-

кренне нравилась вежливая симпатичная мама Гарри и Никиты.

– Смотрите, вот точно такая же серебряная заколка! Они шли в паре. Я вам их дарю, Полина! – сказала она и улыбнулась тому, как я таращу глаза.

Это стало ещё одним подтверждением милости Бога. Даже в самые тёмные времена он не оставляет человека, который помнит о справедливости.

Вечером Бизон и Антилопа пожаловались, что их замучил домовой.

– Мы на днях купили три килограмма сосисок, а они исчезли!

На меня подумать работодатели не могли: я ела исключительно салат, чтобы оставаться стройной. Прямо они не спросили, иначе мне пришлось бы сознаться, что я подкармливаю чужих детей.

– Это точно домовой шутит! Магия! – поддержал родителей Гарри.

Всю неделю я кормила куриными сосисками домочадцев. И выслушивала, что мои работодатели – буржуи.

Насытившись, Лев Арнольдович орал на Глафиру, а мне запретил в их доме смеяться.

– Терпеть не могу веселье, Полина! – заявил он. – Ещё игру придумала со стихами и мечтами! Нам такого не надо!

Было понятно, что у человека скверное настроение, но всё это я уже слышала, словно проигрывалась одна и та же пластинка, только в разных тональностях. На моём веку фразу «Я запрещаю тебе смеяться» произносили люди, которых раздражала чужая радость. А ведь Льва Арнольдовича я воспринимала как родного.

– Грамотная какая! Книжки она читает! – неслось с раскладушки. – Приехала в Москву и сразу сообразила, как

найти работу, как кредит выплачивать и матери помогать, чтобы та с голоду не загнулась... Ещё и питаться ухитряется на рабочем месте! И нам приносить! А я прожил шестьдесят пять лет на свете и ничего не нажил! Даже где поесть, не знаю! У Тюки состою бесплатным гувернёром-рабом. Не прописала меня жёнушка в своих хоромах! Пенсии и той нет!

– Полина нам от доброты своей поесть приносит! – на-супившись, сказал отцу Христофор.

– Заткнись, паршивец! – вскипел Лев Арнольдович. – А то получишь по заднице!

Мне стало жалко Льва Арнольдовича, и я твёрдо решила поговорить с Марфой Кондратьевной, чтобы она прописала мужа в Москве.

Девятнадцатого сентября, в Международный пиратский день, к нам в смятении прибежал правозащитник Мошкин, и по захмелевшему его виду было ясно: произошло нечто важное. Вытащив из рукава бутылку с коньяком и показав её Льву Арнольдовичу, Саша голосом заговорщика сообщил:

– Эврика!

Лев Арнольдович, оценив пылкость друга, моментально взял курс на поиск двух чистых стаканов.

– Полина нам тоже нужна! – заявил Саша.

– Я с пьяными рядом не сижу. Мне религия не позволяет! – взъерепенилась я, собираясь уйти с детьми на улицу.

Антилопа дала мне выходной, отправившись с Никитой на прививку к врачу. Дети Тюки были рады играть со мной в пиратов и дома, и во дворе.

– Не уходи, Полина! Можешь с нами не сидеть, просто побудь на кухне! – Седой правозащитник рванул к столу, на ходу отвинчивая пробку.

Лев Арнольдович любым бредовым идеям был рад, лишь бы налили; он приготовился слушать.

– Лидка приехала, – бодрым голосом начал Саша.

– Лидка?! – Лев Арнольдович скривился.

Я села в кухне на подоконник.

– Склероз, что ли, подхватил?! – Саша выпил из стакана коньяк и налил ещё. – Лидка Красная Звезда. Помнишь такую? Комсомолка-активистка. Сибирь. Тайга. Лесозаготовки. Потом мы на ГЭС всё лето вместе работали. Она безотказная была, всем давала! И шофёру, и плотникам, и мужикам из района... – Мошкин покосился на меня, но, видимо сочтя мой возраст для подобных бесед вполне приемлемым, продолжил: – Все её имели. Она никому не отказывала. Симпатичная была, лет двадцати от силы... Махровая давалка. Ты её ещё в камышах драл...

– Помню! – вскричал Лев Арнольдович и покраснел. – Тише ты, дети дома! Была такая Лидка в нашей молодости. Чего ты сейчас-то о ней талдычишь? Ей уже за пятьдесят должно быть. Жива ли?

– Жива! Жива! – Саша налил себе и другу в третий раз. – В том-то и дело, Лев, что она жива. Ходили слухи, что один крупный партийный работник в семидесятые вывез её на недельку во Францию, а Лидка от него сбежала. Мы тогда решили, что её грохнули. Но нет! Она действительно подалась в Европу, крутилась по барам, работала стриптизёршей, а потом отхватила в мужья аристократа.

– Что?! – Лев Арнольдович не мог поверить тому, что слышит. – Аристократа?! Наша Лидка Красная Звезда?!

– Теперь она не Красная Звезда, а вдова миллионера, который недавно сыграл в ящик. Ему было под девяносто. Покойный супруг завещал ей всё своё состояние: шале в Австрии, замок в Швейцарии, несколько ночных клубов в Нидерландах. У неё титул баронессы! Я бы сам

не поверил, если бы она не связалась с нашей правозащитной организацией и денег туда не пожертвовала. Да я чуть с дуба не рухнул!

– Где она? – Лев Арнольдович снял очки и моргал двумя глазами сразу.

– В Москве! Приехала на два дня. Надо успеть с ней повидаться!

– Повидаться?! С ума сошёл?! Опозориться решил? – Лев Арнольдович недоумённо посмотрел на друга.

– С чего бы это опозориться?! – с вызовом сказал Саша Мошкин. – У меня с памятью всё в порядке, я помню, как мы её вдвоём на берегу...

– Чего мы в жизни с тобой добились, Саша? Как мы перед ней появимся?! Она баронесса, а у меня носок с дырой на пятке!

– Мы ради Полины собой жертвуем!

– Полина-то тут при чём?!

– Разве она не подарила тебе носки?

– Подарила. И что?!

– Так надень их, Лев! Надень новую рубашку! Причешись! – горячился Саша. – Пойдём баронессе ручки целовать. Лидка, глядишь, старое вспомнит, обрадуется встрече. А мы её попросим: помоги чеченской беженке эмигрировать в Европу! Всё равно от Тюки никакого толку!

– Да ну?! – одновременно вскричали я и Лев Арнольдович.

– Да! – Саша схватил бутылку и допил коньяк прямо из горлышка. – Это и есть моя идея фикс!

Минут через пятнадцать в центр Москвы неслись рысью два пожилых господина, распространяя вокруг себя терпкий запах крепкого алкоголя, и девушка в бело-голубом платке, из-под которого выбивались светлые пряди волос. И это, конечно, были мы. Лев Арнольдович бежал

впереди, ловко спускаясь в переходы, влезая в автобусы, а затем в метро. Мы с Сашей едва за ним поспевали. Я немного беспокоилась, справится ли Глафира со всеми детьми, но делать было нечего: решалась моя судьба.

Баронесса назначила встречу во дворах на Кутузовском проспекте, и нам нужно было ничего не перепутать и прийти точно в нужное место.

– Обещала, что подъедет туда для разговора. – Саша ликовал.

– Интересно, как она выглядит? Помню её синеглазой, розовощёкой, полненькой. Истинный поросёночек. У неё ещё было красное платье в мелкий белый горошек! Одно-единственное. И рабочий серый халат. Платье она надевала вечерами и по праздникам. А нижнее бельё не надевала никогда! Ещё Лидка ходила босиком по траве, ненавидела калоши! – вспоминал Лев Арнольдович.

– Я посчитал, прошло более тридцати пяти лет с последней встречи. Это же ещё до моей посадки в тюрьму было... – Морщинистая Сашина физиономия, на которой отразились долгие годы пьянства, выражала смущение. – Может, мы и впрямь зря это затеяли? Деда-пердуны явятся на встречу к даме, а ведь обвисло всё давно...

– У кого обвисло, а у кого нет! – хихикнул Лев Арнольдович. – Это, Саша, была твоя идея!

Прибыв по указанному адресу, мы поняли, что отстать поздно: из-за угла вывернул чёрный тонированный лимузин и медленно, словно в кино, затормозил в паре метров от нас. Шофёр в фирменной фуражке обошёл машину спереди, открыл дверцу и нарочито вежливо поклонился. Из машины показалась рука в изящной перчатке до локтя, которую шофёр галантно поддерживал.

Стройная подтянутая дама с гордой осанкой вышла из машины, что-то быстро сказала шофёру по-английски; он кивнул, сел в машину и, отъехав от нас, припарковался.

Дама не спешила к нам подходить; она с восхищением посмотрела на оранжево-красные кроны деревьев, величественные жилые дома, яркую детскую площадку и только после этого сделала несколько шагов в нашу сторону. Она была одета в строгий костюм цвета нежного серебра, белую блузу и элегантные чёрные туфли на высоком каблуке, а её шею украшал полупрозрачный розовый шарф, подчёркивая красоту пепельно-русых волос.

Я пошла к ней навстречу, а Саша Мошкин и Лев Арнольдович застыли на месте.

– Кто из вас мистер Алекс? – с лёгким акцентом спросила дама.

Она достала из изящной сумочки контейнер для очков с логотипом Lotos, и на её лице появилось настоящее произведение искусства – очки из белого золота, дужки которых были украшены сапфирами и прозрачными бриллиантами. Голубые глаза дамы смотрели сквозь стёкла вежливо, но бесстрастно.

– Это я, Лида, – ответил Саша, улыбаясь. – Столько лет прошло, столько зим...

У Саши Мошкина, как и у Льва Арнольдовича, не хватало нескольких передних зубов, поэтому улыбка вышла удручающей.

– Вижу, да, – кивнула она, поджав губы. – Кто это с тобой?

Лев Арнольдович бросился вперёд и попытался поцеловать руку в перчатке, но дама отстранилась и показала жестом, что этого делать не следует.

– Лидочка, это же я, Лев. Помнишь ГЭС? Сибирь, комары, лето...

– Всем будет комфортней, если вы будете обращаться ко мне «миссис Майерс».

– Госпожа Лидия, давайте поговорим. – Я перехватила инициативу. – С этими джентльменами вы знакомы давно, а у меня к вам дело.

На её лице промелькнула улыбка, явив нам идеальные керамические коронки, но она тут же нахмурилась, чтобы оставаться строгой и величественной.

– Вы, джентльмены, подождите нас, а мы с юной леди побеседуем, – сказала Лида и, подхватив меня под локоть, решительным шагом направилась к скамейке.

– Я из Грозного. Пережила войну, была ранена, – начала я.

– От меня что нужно? – перебила она.

– Давайте я вам вначале о себе расскажу...

– Давайте.

Пять минут она стоически терпела, а когда я закончила, переспросила:

– От меня-то что нужно? – И добавила шёпотом: – Все денег просят.

– Я не прошу у вас денег, я с утра до ночи работаю. У меня нет ни дома, ни компенсации за ранения – ничего. Хорошо, если бы правозащитники или богатые люди помогали таким, как я, беженцам, но нет даже государственных программ...

– У меня скоро чай с американским послом, а потом мы играем в покер. – Госпожа Майерс становилась нетерпеливой.

– Нужно вывезти в Европу документальные дневники о войне и помочь мне эмигрировать.

Дама сняла очки и неестественно высоко подняла брови. Выглядело это комично.

Я посмотрела через её плечо на две сгорбленные фигуры, жмущиеся к мусорному баку, и отчётливо поняла, что ни мне, ни Льву Арнольдовичу, ни правозащитнику Саше Мошкину ничего не светит.

– Позвольте дать вам совет, – сказала Лида. – Научитесь раздвигать ноги. Мне в своё время это очень помогло. Вы молоды, у вас получится.

– Нет, спасибо, у меня другое воспитание, – ответила я.
– Может, вы ещё и мусульманка? – с нескрываемым ужасом спросила она.

– Может быть.

– Вот горе-то! – тоскливо сказала Лида Майерс. – С такими шаблонами остаётся только голодать.

– То есть вы никак не можете вывезти тетрадки в Европу? Вы могли бы взять меня на работу. Оформить визу. Я умею готовить и убирать.

– Какие сорта французских вин вы знаете? Вы умеете делать ставки на скачках? Смешивать героин с табаком? Разбираетесь в эзотерическом сексе? Танцуете на шесте?

– Нет!

– И зачем же мне нужна такая работница?!

– Я честный человек.

– Хуже этого ничего быть не может!

– Вы думаете?

– Убеждена! Огромный жизненный опыт.

– А что вы знаете про лагеря беженцев? Как там живётся людям? Долго они ждут решения о предоставлении убежища?

– Беженцы?! Эти зверьки сидят в лагерях за железным забором, их стережёт полиция. Будь моя воля, их никогда бы не пустили в Европу. У нас и без них есть кому чистить туалеты и мыть машины.

– Спасибо, что уделили время.

Я встала и пошла к Саше Мошкину и Льву Арнольдовичу. Лида Майерс бросилась за мной вдогонку.

– За всё надо платить. Я всю жизнь платила, – говорила она скорее себе, чем кому-то ещё. – Меня били, унижали, я спала с мужиками, которых ненавидела. Меня заставляли делать аборт. А теперь я взошла на такую высоту, которая не снилась никому из моих прежних знакомых. Если рассказать, как я стала баронессой, никто не поверит...

Я остановилась и сказала:

– Мне искренне жаль. Правда. Мне очень жаль вас. Лучше жить по справедливости. И в бедности, и в богатстве. И не совершать чудовищные поступки, за которые потом стыдно.

Лев Арнольдович и Саша уже спешили нам навстречу.

– Ну что, Поля, как поговорили? – спросил Лев Арнольдович.

Я пожала плечами.

Медленно подъехал чёрный лимузин.

Лидия Майерс, вытащив из кармана надушенный платок, поднесла его к глазам и, не дождавшись, пока услужливый шофёр откроет ей дверь, уселась в машину. Мы услышали её властный приказ по-русски: «Трогай! Пошёл!» – и машина скрылась за поворотом.

– Мне кажется, Полина, что ты не едешь в Европу, – сказал правозащитник Саша.

Привет, Дневник!

На прогулке случилось забавное недоразумение. Молодая женщина с девочкой лет шести шла по дорожке в парке, а навстречу им шагал мужчина с бультерьером.

– Смотри, мама, – сказала девочка, – какая у собаки огромная морковка!

Женщина уставилась на бультерьера. Хозяин пса смутился и стал загоразживать питомца от любопытных глаз. Поскольку пёс был крупным, загородить удалось только голову и передние лапы.

Девочка настойчиво повторяла:

– Морковина! Ого, какая огромная!

Покрывшись испариной, мужчина попросил ребёнка:

– Не говори так, пожалуйста, девочка! Мой пёс стесняется!

Пёс, разумеется, и не думал стесняться. Он пытался облизать девочку.

Молодая мама, покраснев, сказала дочери:

– Милая, его нос совсем не похож на морковку.

– При чём тут нос?! – вскричала девочка. – Я говорю про хвост!

Мужчина и женщина нервно захихикали, а я, укачивая Никиту, засмеялась.

Пока я была на работе, Аксинья сильно избивала младших. Соседи вызвали скорую помощь, и больную принудительно отправили в психиатрическую клинику. Когда её забирали, она дралась с санитарями.

Дети плакали, отходя от стресса, а я до двух часов ночи убирала дом, потому что осколки посуды и разбитая мебель валялись по всем комнатам.

Ещё я попыталась образумить Тюку:

– Льву Арнольдовичу пенсию нужно оформить! Иначе он в семью денег не принесёт. Без прописки пенсию не платят!

Марфа Кондратьевна, не отрываясь от компьютера, сказала:

– Мы с ним давно разведены! Он здесь живёт по милости моей.

На остатки зарплаты я купила книжки детям. Христофор выучил разные породы динозавров и просит его проэкзаменовать при каждом удобном случае. П.

Я вдыхала осенний воздух и читала объявления на подъездах в надежде найти работу с проживанием. При всей любви к Никите я понимала, что жить у Антилопы и Бизона негде, а снимать квартиру финансово невозможно. На глаза мне попался тетрадный листок, криво

наклеенный на дверь одного из подъездов: «Кошку-мать разорвали собаки, котята могут погибнуть. Возьмите котёнка в добрые руки». В объявлении был указан номер телефона. Я скопировала объявление, написав штук двадцать от руки, и расклеила по скамейкам в лесопарке, где гуляла с Никитой. Дописав от себя: «Спасите хоть одну жизнь!»

Дни бежали друг за другом, подобно узорам инея на жухлой траве. Вынося мусор, я нашла плюшевые игрушки, их кто-то выбросил. Отстирала, почистила, часть отдала Бахор, жене дворника Давладбека, а часть отправила детям в Бутылино. Делая это, я не упускала из мыслей объявление и спрашивала себя, узнаю ли я когда-нибудь, что стало с котятами.

В районе Ясенево начали ремонтировать дорогу, и пришлось поворачивать к дому Антилопы не по той улице, по которой я всегда ходила, а по другой. Там судьба столкнула меня с женщиной лет пятидесяти.

– Меня зовут Надежда. Из Северной столицы приехала, работаю дворником, – сказала она. – Ты, я вижу, иногда ходишь в платочке. Ты не местная?

В Москве дворниками работали азиаты, поэтому я удивилась, что женщина русская.

– Меня Полина зовут, я из Чечни, – сказала я.

Из разговора выяснилось, что дворничиха остановила меня не просто так: она раздаёт котят.

– У меня их восемь! – призналась Надежда. – Жильцы дома хотели утопить котят вместе с кошкой, а я отобрала. Прячу в подсобке!

– Себе взять не могу. Но я напишу объявления и развешу по округе, дайте мне свой телефон, – сказала я.

Надежда пристально глянула на меня:

– А не ты ли развешивала объявления в лесопарке?!

– Я.

– Вот спасибо! В тот раз бездомную кошку загрызли собаки. Осталось шестеро котят. Я приклеила одно объявление на подъезд, но его через полчаса сорвали. Многие ненавидят животных, травят, а мне всех жалко. У меня чуть сердце из груди не выскочило, когда вдруг через пару дней начали звонить люди! Они говорили, что прочитали о котятках, что нужно спасти жизнь! Люди говорили, что увидели объявление в лесу! На скамейках! Четырёх котят я пристроила, а двух так полюбила, что оставила себе.

Надо сказать, что, слушая её взволнованную речь, я искренне обрадовалась. Теперь я знала телефон дворничихи Надежды. И ещё я поняла, что наши усилия не пропали даром: котятки были спасены. Таких людей я встречала только на Кавказе, и вдруг – вот она предстала передо мной, добрая и хорошая женщина.

Возвращаясь с работы в приподнятом настроении, я уже от остановки услышала пьяные крики, доносившиеся из квартиры Тюки. В гостях у миротворца был Мошкин. Мужчины крепко выпили, и, заметив меня, Саша выскочил из кухни, как мальчишка, преграждая проход.

– Ах, Полина-красавица, я в тебя влюблён! Я обречён! Всё отдам, что имею, за взгляд твоих глаз! – кричал он. – Жить без тебя не могу! Ночами не сплю! Днями не ем!

– Но пить-то вы ещё можете... – не удержалась я.

– Я с горя пью водку, она мне как вода! – нашёлся правозащитник.

– Дядя Саша у нас давно, он пришёл с тремя бутылками! – сообщили дети.

– Заберу тебя к себе жить! – кричал Мошкин, едва держась на ногах.

– Сейчас же прекратите! – строго сказала я ему.

Он начал распускать руки. Повезло, что мне на выручку пришли Глафира с Христофором. Лев Арнольдович

с лавки встать самостоятельно не мог и звал на помощь Марфу Кондратьевну:

– Голубушка-жёнушка, помоги отцу своих деточек в туалет сходить!

– Детям пора спать, – громко сказала я. – Хватит пить водку, расходитесь.

Саша, источая вокруг себя алкогольные пары, послушно поковылял к входной двери.

– Мошкин – известный на весь мир правозащитник! – возмутилась Марфа Кондратьевна, выскочив из кабинета. Моё последнее замечание её оскорбило.

– Да ну? Ваш знакомый алкаш – великий правозащитник? – насмешливо переспросила я. – Они со Львом Арнольдовичем ужрались до галлюцинаций, пока вы находились в Испании!

– Что?! – вскричала Марфа Кондратьевна.

Любомир и Христофор наперебой начали рассказывать матери, как дядя Саша ломал дверь в гостиной, а папа кричал, что они призраки. Тюка узнала правду о ночи, которую мы с детьми едва пережили. Но, услышав, что Саша Мошкин хочет забрать меня к себе, Марфа Кондратьевна решила, что называется, воспользоваться моментом:

– Стерпится-слюбится! Переедешь, Полина, в квартиру его сестры на следующей неделе. Мы с ним договорились.

– На улице лучше буду жить, – ответила я, но про квартиру сестры решила всё же разузнать.

Понадобилось сделать несколько звонков общим знакомым, и оказалось, что Тюка опять безбожно соврала. Трёхкомнатная квартира, две комнаты в которой были заперты на ключ (в них хранились вещи настоящей владелицы), находилась в Бирюлёве. Сестра Саши Мошкина со своим мужем и четырьмя детьми снимала комнатку

в чужой квартире. Там же часто околачивался правозащитник Саша, туда же он мечтал привести меня.

– Владелица гонит нас на улицу, платить нечем. Ты, говорят, еду с работы приносишь? Будет еда? – с надеждой спросила меня в трубку сестра Мошкина.

Как только выяснилась правда, Марфа Кондратьевна запела по-другому:

– А я и не собиралась помогать тебе, Полина! У меня есть знакомые чеченцы, которым нужна эта квартира! Хозяйка их туда поселит, а эту гопоту выгонит! И не смей больше звонить никуда! Ишь наглая какая! Опять всё разнюхала! Да как ты вообще посмела туда позвонить?!

– Никуда не перееду! Мне деньги на лекарства для матери нужны! Из-за вас она ноги отморозила! Ждите, когда смогу снять комнату, – заявила я ей прямо в лицо.

В выходной я повела детей на фильм «Звёздная пыль» о ведьмах и ловцах молний. Христофор, Любомир, Глафира и Ульяна были в восторге. Из кинотеатра мы зашли в книжный магазин, где я купила им классические произведения о подростках, а себе выбрала книгу Анны Гавальды «35 кило надежды», листая которую хотелось смеяться и плакать.

По дороге домой позвонила маме.

– Дети в Бутылине тебя вспоминают, – сказала мама. – Любава, Катя, Гришка! Они получили посылки с игрушками и сладостями! Передают привет. Сосед Ворон тоже передаёт! Но у нас не без приключений.

– Что случилось? Про массовое убийство бездомных котов и собак я уже слышала. Наверное, поехавшие головой на почве насилия бывшие наёмники развлекаются.

– Новое уже! – горячилась мама. – Бездомных собак и котов по селу душат и стреляют который день! Админи-

страция воду пить запретила и купаться. В нашем озере нашли два трупа. И ещё покойника в лесу.

– Не купайся в озере и не ходи в лес!

– Ночью дядюшка Шило из соседнего подъезда наделал на пол. Через ветхие полы барака со второго этажа всё протекло на потолок к Трутню. Утром Трутень решил дядюшку Шило убить. Шило убежал к соседу-алкашу Утке. Мы вызвали участкового. Водочкин приехал, сказал, чтобы дядюшке Шило дали яду, и умчался к любовнице. Потолки воняют!

– Весело у вас! – заметила я иронично.

Дети Тюки на сиденье рядом шуршали страницами книг Гектора Мало «Без семьи» и «Детство» Льва Толстого.

– Так и есть, – согласилась мама. – Когда Водочкин зашёл к Утке и Шилу, старики были без штанов! Я пошутила, что пора у их подъезда вывешивать голубой флаг! Соседи смеялись...

На другую линию прорывалась Антилопа.

– Слушаю, – сказала я, переключившись.

– Полина, вы сможете, помимо работы няней, убирать и гладить по выходным? Мы заплатим – тысячу рублей.

– Конечно, – ответила я.

В понедельник вечером в Тюкиной квартире подозрительно пиликал автоответчик, переполненный сообщениями. Их накопилось тридцать семь штук. Я включила режим прослушивания. «Где родители?! Почему мы не можем дозвониться?! Почему вы бросили больную и пропали?! Вы где?! Мы хотим поговорить с родителями, которые называют себя правозащитниками! Хотим посмотреть в глаза этим непорядочным людям! Вы когда заберёте Аксинью домой? Преступление так себя вести! Мы будем жаловаться! Вы бросили Аксинью?!» Автоответчик бесстрастно фиксировал озадаченные голоса врачей и медсестёр психбольницы.

«Хотите дозвониться до родителей? – подумала я, слушая эти отчаянные вопли. – Наивные вы люди».

Марфа Кондратьевна продолжала заниматься правозащитной деятельностью: в ночь на пятницу она вышла в магазин и пропала. Насилу дозвонившийся ей через три дня супруг узнал: Марфа Кондратьевна на конференции в Нью-Йорке.

– Что ты там делаешь, Тюка?! – Лев Арнольдович включил громкую связь. Он кипел от негодования. – Мы сидим без копейки!

– Я рассказываю о войне в Чечне! Переводчик переводит, а все затаив дыхание слушают и охают! – На другом континенте Марфа Кондратьевна причмокнула чем-то вкусным.

– Что ты знаешь о Чечне? Ты же была там несколько дней проездом! – В гневе он повторил ей мои слова.

– Представляешь, организаторы позвонили, спросили, хочу ли я выступить. Давай, говорят, дуй на самолёт! Билет оплатим, и проживание, и питание! Конференция по правам человека. Какой уж тут магазин! Пришлось рвануть. Всё ради демократии!

– Что ты там жуёшь?! – взревел Лев Арнольдович.

– Как здесь кормят! Как принимают! Устрицы, раки! Наша русская чёрная икорка! Лосось из Норвегии! Я ещё потом приеду выступать! Им политические активисты из России нужны. – Из трубки лился довольный голос Марфы Кондратьевны.

– Все дети опять на Полину брошены! – вскричал Лев Арнольдович.

– А что им будет? Не сдохнут! – парировала правозащитница.

– Ты не подписала разрешение, чтобы я мог забрать Аксинью из психбольницы!

– Закрутилась и забыла, с кем не бывает.

Лев Арнольдович положил трубку на рычаг и закрыл лицо руками.

Ночное общение с мамой принесло деревенские новости: соседа Утку нашли с перерезанным горлом. Участковый Водочкин ехал с соседней улицы пять часов, но всё-таки приехал. Семья Трутня решила заночевать на улице, так как в подъезде от трупа стояло зловоние. Водочкин по приезду составил акт о самоубийстве, чтобы не тратить время на разбирательство.

– Слушай, у нас, похоже, творится что-то мистическое. Ещё нашли труп девочки, на вид ей лет двенадцать, не из нашего села. Она была подвешена за ноги в лесу. Мы с бабкой Алисой тушили пожар. Загорелись гаражи. Мы думали, что сгорит наш барак. Едва потушили. Пожарные приехали с опозданием. Потом выяснилось, что один из нищих хотел опалить кота на суп... Ну и огонь перекинулся на барак и сараи...

Насилу успокоив мать, я отправилась спать. Помощи нам ждать было неоткуда, и нужно было выживать.

Я увидела страшный сон. Я поднималась по деревянным ступеням старой усадьбы. В комнате с провалившейся крышей было нечто вроде пьедестала, и на нём стоял котёл, исписанный иероглифами. Котёл был наполнен человеческой кровью.

– Знаешь, как жестоко они убивают свои жертвы? – спросил меня строгий голос, идущий с неба.

Я молчала, оцепенев от ужаса. В котле с кровью плавали раздробленные кости.

– Никогда не оправдывай тех, кто совершает зло или находится с ним на одной стороне, – сказал мне голос. – Смотри на этот котёл! Разве можно их оправдать?!

– Чья это кровь? – спросила я.

– Это кровь ребёнка. То, что они сделали с костями, не поддаётся объяснению...

Я не знала, что сказать.

– Это дар сатане от его слуг, – продолжил голос.

– А ему это надо? Может быть, люди ещё хуже, чем сатана?! – воскликнула я.

Следующим вечером Марфа Кондратьевна прилетела из Нью-Йорка. Зевая, она выслушала рассказ Льва Арнольдовича о событиях в мамином селе, а потом предложила:

– Пусть Полине и её матери богатые помогают! Например, Антилопа с Бизоном!

– Они однокомнатную квартиру снимают на четверых! Чем они мне помогут? Разве они «Мемориал»? Разве они правозащитники? – спросила я.

– В организациях и в газетах тебе никто не будет помогать. Там этническим чеченцам помогают, и то через пень-колоду, а о таких, как ты, вообще говорить не принято, – оборвала меня Марфа Кондратьевна.

Пока я пыталась навести относительный порядок в Тюкином бедламе, в кухню пришла Глафира и пожаловалась, что незадолго до моего прихода с работы мать дала ей водки.

– Нельзя детей к водке приучать! – начала ругаться я. Лев Арнольдович смутился.

– Немножко ведь, – попытался выкрутиться он.

– Полстакана, – уточнил Христофор, прыгая вокруг меня с Чубайсом в руках.

В первом часу ночи я обнаружила на раскладушке Льва Арнольдовича мать политзаключённого Ириса Тосмахина, Арину Леопольдовну.

Как только Марфа Кондратьевна, которая всегда чужие разговоры подслушивала, затихла в кабинете, мы с Ариной Леопольдовной разговорились.

– Я живу у метро «Алтуфьево». Пойдём, Полина, жить ко мне. Здесь страшный дурдом! Будешь жить у меня тайно, так как Тюка меня возненавидит, если я тебе помогу. Она моему сыну не помогает, обещает только!

– Надо мне сумку собрать, – обрадовалась я.

– Скажу по секрету: не только Лев в сумасшедшем доме побывал. Тюка тоже там лежала.

– Я у них живу на шкафу под потолком.

– Знаю. У Тюки плохо с головой! Она, если боится, что человек о ней правду расскажет, заранее поливает его грязью и говорит знакомым, что он ненормальный, то есть свою болезнь на другого перекладывает. Такой у неё метод защиты.

– Наверняка и про меня что-то врёт, – предположила я.

– Я сегодня целый день с её детьми нянчилась, пока ты была на работе. Они мне рассказали, как ты готовишь и убираешь здесь! Она невероятно лживая гадюка!

– Кому она про меня говорит? – Я развеселилась. – Вы ведь понимаете, редкий выходной я здесь. Обычно утром и по ночам бесплатно батрачу, ем только на работе, а работаю по тринадцать часов.

– Понимаю и охотно верю. – Арина Леопольдовна вздохнула. – Но я слышала, как она в «Мемориале» твердила: если они тебя встретят, чтобы не слушали ни единого слова, не помогали тебе, и все свои диагнозы на тебя перекладывала.

– Отблагодарила по полной программе! – сказала я, и мы засмеялись.

– Однажды я видела у неё в руках конверт. В конверте – доллары. Дали правозащитники, сказали, для Полины из Чечни. Как я догадываюсь, ты этот конверт никогда не видела?

– Не видела. Мне никто не помогал. Марфа Кондратьевна мне не платит, я с её детьми вожусь как с родными.

– А я ещё подумала: зачем она спорит с правозащитниками, говорит, что тебя кормит и эти деньги пойдут на твоё пропитание? Люди, которые дали конверт, ещё возразили, чтобы она тебе отдала, что это – помощь.

– Никогда в жизни не видела ни помощи, ни конверта, – сказала я чистую правду.

– Ясно! Зажала она конверт! – сделала вывод мать Ириса Тосмахина.

– Вы уверены, что он был с деньгами? Точно?

– Клянусь! – Женщина размашисто перекрестилась.

Мы помолчали.

Потом она попросила:

– Не выясняй с ней, пожалуйста, отношения. Не выдавай меня. Мой сын в тюрьме, боюсь, что его там убьют. Вдруг она и против него настроит людей в «Мемориале»? Тогда ему никто не поможет, как и тебе.

– Ладно, – нехотя согласилась я. – Но в дневник всё запишу и однажды опубликую!

– Это правильно, мудро, – закивала головой Арина Леопольдовна, и по выражению её лица я понял: она не верит, что мои записи когда-нибудь будут опубликованы.

Утром Марфа Кондратьевна бестолково пыталась одеть Любомира, и штаны на нём оказались надеты задом наперёд.

– Вы как бомжи! – пошутила Арина Леопольдовна, которой я, убегая на работу, успела подать чай с гренками.

– Свиноматка! – орал Лев Арнольдович на супругу. – Я сейчас обувь в тебя буду бросать!

– Там и мои туфли в коридоре, – предупредила его Арина Леопольдовна.

– Всё раскидаю! – пригрозил Лев Арнольдович.

Я приползла от Антилопы в десятом часу вечера. Холодильник был пуст, и мне пришлось купить в пиццерии

остатки нарезанной пиццы с сыром. Любомир с Ульяной, уписывая её за обе щеки, пересказывали события за день:

- Наконец-то маме досталось!
- Папа рычал, как тигр!
- Да! Как будто ему прищемили хвост!
- Он молотил маму ботинками!
- Мама била его книгами!
- Папа взял портфель и надел ей на голову!
- Книжки рассыпались!

Я взглянула на Глафиру. Она сидела на лавке насупившись и молчала.

– Жалко, что я не успела их сфотографировать, – грустно сказала она. – Подпись под фото была бы великолепной: «Правозащитники»!

Арина Леопольдовна, подливая чай, хихикнула себе под нос.

Мне оставалось вымыть посуду и убрать кухню, где за целый день скопились горы объедков, учитывая, что, помимо жильцов, сюда приходили гости. Из кухни я переместилась в зал, потом в коридор, а в два часа ночи Тюка, выглянув из кабинета, решила отправить меня с детьми на прогулку.

– Нужно им подышать свежим воздухом! – заявила Марфа Кондратьевна. – Они целый день не гуляли!

Арина Леопольдовна, оставшаяся у нас погостить, покрутила пальцем у виска и спряталась на диване под плед, который до этого валялся на полу.

– Собирайтесь! – сказала я детям. – Идём слушать сказки под звёздами!

Ближе к утру во сне ко мне пришёл старик Утка. Он хотел рассказать, как его убили. Покойники это любят. Я слушать не захотела, прогнала его, а проснувшись, поведения своего устыдилась. Но чем я могла ему помочь

в мире несправедливости? Моя жизнь и его смерть – прямое доказательство беззакония. Потом я опять заснула и увидела соседку Марьям. Она была юной, я её такой не знала. Марьям защищала меня от злого духа, стрелявшего чёрными стрелами. Мы шли с ней по советскому Грозному, где русская речь звучала повсюду.

– Спасибо, что вы оберегали меня, – сказала я. – Вы спасали меня даже от родной матери, которая не скупилась на тумачи.

Марьям улыбнулась:

– Ну что ты, Поля...

– Как вам теперь живётся? Что там, за пеленой жизни? – спросила я.

– Всё как должно быть, – сказала Марьям.

И я поняла, что о загробном мире она мне поведать не может.

День с Никитой прошёл размеренно: прогулки, кормление, игры. Придя с работы к правозащитникам, я окупилась в хаос. Дети пребывали в состоянии полного отупения от многочасового просмотра телевизора. Самой правозащитницы не было: её прямо с митинга забрали в милицию, а Лев Арнольдович принял на грудь и храпел в прихожей. Арина Леопольдовна спешно уехала, не оставив мне адреса.

Как обычно, я всё почистила и помыла, а потом дети сказали, что не были на улице, и пришлось их вывести, иначе бы они не заснули. Подышав свежим воздухом, Любомир, Ульяна, Христофор и Глафира взяли из кучи белья на полу подушки и чем накрыться.

Бельё я старалась стирать раз в неделю, но его пачкали кошки и топтали гости, так как утром всё сбрасывалось на пол, и куча эта вперемешку с игрушками и огрызками лежала в зале. Так с детства детей приучила Марфа Кон-

дятьевна. Мне на их воспитание оставалось несколько часов в сутки во вторую, самую тяжёлую смену.

Я буквально засыпала на ходу, а детям хотелось общаться.

– Полина, расскажи о пророках, расскажи о чудесах, – просили они.

– Давайте лучше придумывать стихи, – предложила я, надеясь, что так дети быстрее заснут.

*Дед Потап набрался пива
И уселся на крапиву.
Закричал он: «О!
Вижу НЛО!» –*

придумал Христофор.

Лев Арнольдович очнулся и заорал из прихожей:

– Заткнитесь сейчас же! Потап – великий мистик!

Затем он запретил нам включать электричество в целях экономии.

*Злобный папа хлопнул дверью –
Полетели всюду перья! –*

сочинила Ульяна.

Мы засмеялись.

– Я тебя, Христофор, когда-то недоделал, – крикнул Лев Арнольдович. – Сейчас возьму в руки бамбуковую палку и доделаю тебя палкой!

– Полина, у нас диван шатается, – пожаловались дети.

Диван, на котором спали Ульяна, Глафира, Любомир и Христофор, перекосялся от старости. Конечно, Марфа Кондратьевна могла купить детям новую кровать, но её думы занимало спасение мира. Я подсунула под диван с одной стороны кусок металлической трубы, который

принесла с улицы, а с другой стороны Христофор и Любомир подложили кирпичи, но диван всё равно шатался.

В темноте звучал детский шёпот:

– Тсс! Не всколыхнуть бы папашу! Озверел он!

– Книгу засунули под трубу? – спросила я.

– Да! – дружно ответили дети.

– А тапок? – спросила младших Глафира. – Тапок поможет!

– Ага!

– Мы опускаем боковину? – поинтересовалась я.

– Ага!

– Опускайте! Только не на мои пальцы! – предупредил Христофор.

– Хорошо! – согласились Ульяна и Любомир.

– А-а-а!

– Требуйте от матери, чтобы купила новый диван! – не выдержала я, высвобождая пальцы Христофора и включив свет, несмотря на истеричную ругань Льва Арнольдовича, несущуюся из прихожей.

Глафира на это ответила:

– Она не купит!

– Тогда тебе пора устраиваться на работу. Я в твоём возрасте полностью содержала себя и мать. Давай расклеим объявления, что ты готова убирать подъезды!

– Нет. Мама запрещает нам работать. У мамы есть деньги на банковских счетах. Ей дают богатые люди, которые считают её святой. Она ведь называет Ириса Тосмахина антихристом, но всё равно защищает его, ходит на митинги!

– Тогда я вашему папе найду работу – газеты разносить по ящикам, – пообещала я. – Пусть он купит диван!

Лев Арнольдович, услышав мои слова, ретировался на раскладушку.

Привет, Дневник!

Вот и пришёл октябрь!

Никита и Гарри подхватили желудочный вирус, их рвёт, и температура под сорок. Я выпила таблетку для профилактики из аптечки Антилопы. Противовирусное лекарство мне никто не предложил, но я уже давно привыкла бороться за себя сама. С ночёвкой я у них не остаюсь, так как дети Тюки плачут, чтобы я погуляла с ними перед сном и покормила их.

Ночью снился Пан, дух леса. Мне явился мужчина высокого роста с рогами оленя и козлиными ногами, на вид ему было около сорока. Рост составлял примерно пять метров. Он был очень печален, так как лес горел, охваченный огнём. Я не решилась подойти близко, а он наблюдал за мной из-за высоких деревьев.

Иногда он помогает людям, иногда вредит. Что нужно было хозяину леса от меня?

В детстве я изучала древние мифы. Любила Нептуна, Аполлона, Диониса, Афину, Венеру. Гефеста – жалела, над Амуром – подшучивала. Но о Пане я не задумывалась. Он всегда казался мне злым и опасным, как всякий потерявший любовь...

Но во сне сегодня у него в глазах была печаль.

Полина.

Моя двадцать вторая осень проходила с ясноглазым сыном Антилопы, затем я бежала к детям Тюки, дом которой походил на проходной двор.

Приехала погостить молодая женщина с тремя детьми. Лера была родом из Сибири, отличалась словоохотливостью. Её мать Нонна когда-то любила Льва Арнольдовича, а потом их судьбы разошлись. Сейчас Лера, которую оставил муж, жила в крохотной коммунальной комнатке в Санкт-Петербурге с общими удобствами

и условиями, от которых тошнило ещё во времена Достоевского.

– Однажды я выиграю в лотерею грин-карту! – мечтательно твердила она. – Мы с детьми сядем в самолёт и улетим за океан, в Америку!

Лера настойчиво приглашала меня в восьмиметровую комнатку коммуналки, где ютилась с детьми:

– Приезжай погостить вместе с Глафирой! Походим по Невскому проспекту, стихи почитаем! Я покажу вам разводные мосты!

– Спасибо! – поблагодарила я её.

Дети дружно ели салат из свежих овощей с курицей.

Христофор, насытившись, сочинял стихи об отце, но дальше двух строчек дело не двигалось:

В двери дырочка осталась

После папиной ноги...

– Папа! – орал Христофор на весь дом во втором часу ночи. – Нужно дальше придумать! И чтобы было смешно!

В ответ – тишина.

– Ты утонул, папа?!

Послышался плеск, и Лев Арнольдович лениво протянул из ванны:

– Я нырял!

Но на просьбу ответил. Получилось так:

В двери дырочка осталась

После папиной ноги...

Мама, бедная, металась

И кричала: «Помоги!»

Гарри храбро таскал отцовский «Плейбой» и прятал его под учебником математики.

– Вы знаете, по телевизору показывают откровенные танцы Ксении Собчак. Молодёжь в восторге! Все смотрят «Блондинку в шоколаде»! Похоже, она под кайфом, – делился со мной Гарри.

Я кивала, одевала Никиту, и мы шли в Битцевский парк. Никита доверчиво прижимался ко мне. Именно я научила его ходить. Несколько раз он называл меня мамой, путая с Антилопой: мы обе были светловолосые.

Все мои мысли занимала Глафира. У неё начался «осенний зов», ей хотелось всё бросить и убежать куда глаза глядят. «Может быть, это вовсе не глупо, – думалось мне. – Разве не об этом книга Уэльбека “Возможность острова”?»

Дополнительно отработав в субботу, я принесла детям Тюки сладкое и обнаружила Христофора на полу: он в истерике катался по прихожей.

– Что с тобой? – испугалась я.

На кухне нестройно пели. Правозащитники устроили пирушку. Недовольные кошки смотрели на меня горящим взором и скребли диванчик в прихожей.

– Ха-ха-ха! И-хи-хи! – рыдал и одновременно хохотал Завоеватель.

– Приди в себя, Христофор. Скажи мне, что происходит, – просила я.

– Мы Анну Политковскую поминаем! – визжал Христофор.

– Да что с тобой?!

– Мама и папа разрешили мне выпить вина! Один стакан, потом ещё один...

Пришлось вести мальчишку в ванную и умыть прохладной водой.

– Что вы творите?! Не смейте давать детям спиртное! – заорала я на Марфу Кондратьевну, высунувшуюся из кухни.

– Что хочу, то и делаю, – надменно ответила Тюка.

– Не губите сына! – Я не сдавалась. – И не издевайтесь над памятью журналиста! Хватит!

Марфа Кондратьевна недовольно поджала губы.

Льва Арнольдовича тоже не удалось усостыжить. Заплетающимся языком он прочёл мне лекцию о том, что поминать спиртным – давняя русская традиция.

Правозащитники ежедневно ругались. В отчаянии Лев Арнольдович кричал:

– Если ты, Тюка, сейчас же не позвонишь по телефону и не выйдешь на связь с врачами психбольницы, где заперта Акси́нья, я выскочу в подъезд и буду орать: «А-а-а!»

– Когда ты уже померёшь, старый пень? – огрызалась в ответ Марфа Кондратьевна.

Только вино объединило их в день поминания.

В воскресенье мне удалось вырваться к Рите. Её сын Мирослав оставил монастырь и вернулся в наш грешный мир, сказав, что разочаровался в современной святости: заставляют бесплатно работать, воруют хорошие вещи или отжимают их.

Мойша был несказанно рад и всё время повторял:

– Я же тебя предупреждал, сынок!

Мы пили чай с сухариками и ели тёмный сладкий виноград. Старый кот Риты, который собирался помирать, неожиданно передумал и распушился к зиме. Он ходил по квартире и протяжно мяукал.

От Риты и Мойши я отправилась обратно к Тюке.

Глафира и Христофор последнюю неделю до полудня томилась в спецшколе, куда их определили родители. Ульяна ходила по соседям, а Лев Арнольдович разыскивал супругу, пока не выяснил, что она укатила в Париж. Любомира оставила на Клюкву.

– Что ты творишь, Тюка?! Опять у тебя правозащитные посиделки?! – орал Лев Арнольдович в трубку. – Клюква – клиническая шизофреничка! Она мальчика к себе в постель затащит! О чём ты думала, бросая на неё ребёнка?!

Марфа Кондратьевна лепетала в ответ что-то не очень вразумительное. Лев Арнольдович в сердцах бросил телефон на пол.

Подняв аппарат, я решила прослушать сообщения и услышала грустные голоса учителей. Дети Тюки совершенно не хотели учиться. Никто не мог их заставить. Иногда я уговаривала их почитать книги. Но в основном приходилось пересказывать им гуманитарные дисциплины устно.

Марфе Кондратьевне было всё равно, что никто из детей не учится. Она приплатила в психбольнице, чтобы Аксинью подержали подольше, и была рада разъезжать по миру.

Поражало, что о войне в Чечне говорили те, кто даже издали не видел пережитого нами кошмара. Такие люди растаскивали неведомо откуда пришедшие гранты, а о правах человека несли совершеннейшую ахинею, говоря шаблонными фразами из методичек.

По моей просьбе Лариса привезла Любомира из деревни. Она проезжала по Золотому кольцу со своими ребяташками и заскочила к Клюкве. Любомир прыгал и визжал от радости.

– Там клопы кусаются! Клюква чокнутая! Ура, я выбрался! Я в Москве! – кричал он.

Дети заспорили на жвачку, сколько Божьих заповедей передал людям пророк Моисей.

– Я православный! Я знаю! Двенадцать заповедей! – утверждал Любомир.

– Десять! – поправила я его.

– Чего десять? – удивились дети.

– Заповедей Божьих, – ответила я.
– Двенадцать! – стоял на своём Любомир.
– Заповедей пятнадцать! – перебил его Христофор, оторвавшись от игры в телефоне.

– Мама! Скажи, сколько заповедей? – потребовала Ульяна, набрав номер Тюки и включив телефон на громкую связь.

– Две! – выдала Тюка.

– А какие именно, вы помните? – спросила я.

Она отвечать не стала.

– Девять заповедей, – заспорила с нами Глафира, которая долгие годы жила в православном интернате.

– Давайте посчитаем, – кричал Любомир. – Полина говорит, что их десять, мама – что две, Глаша – что девять. Всего двадцать одна получается!

– Очко! – закричал Лев Арнольдович из кухни.

Поскольку каждый стоял на своём, жвачку решено было никому не покупать.

Христофор начал выть со слезами на глазах:

– А всё-таки их пятнадцать!

Лев Арнольдович в спор не вмешивался. Он отыскивал где-то кусочек чёрствого чёрного хлеба и макал его в чашку с кипятком.

Обычно Марфа Кондратьевна говорила с людьми тихим елейным голосом, изображая блаженную, а на самом деле внутри неё сидела фурия, которую она являла по особым случаям.

– Почему я никак не могу найти твои дневники о войне?! Куда ты их спрятала, Полина? Давай оригиналы сюда! – с вызовом сказала Марфа Кондратьевна.

– Добрый вечер, госпожа Тюкина. Дневники вы не получите, – спокойно ответила я, вернувшись домой с работы и столкнувшись с Тюкой в тёмной прихожей,

в которой так и не починили свет. – Они в надёжном месте!

Марфа Кондратьевна и раньше пыталась их выманить, говорила, что отдаст знакомым, их тайно вывезут в Америку, но я стояла на своём: судьбу чеченских дневников буду решать сама, а ей, после всех её проделок, не верю.

– Я читал подлинники. Полина разрешила. Зачем тебе, Тюка, потрёпанные тетрадки, исписанные детским почерком? Есть электронная версия про Вторую чеченскую войну, – робко подал голос Лев Арнольдович.

– Ладно, чёрт с ними, – неожиданно согласилась Марфа Кондратьевна. – Тогда гони сюда свой паспорт, Полина! Живо!

– Что?! – не поверила я своим ушам.

– Паспорт, говорю, выкладывай. Давно пора было его у тебя забрать! Отныне твой паспорт будет у меня!

Лев Арнольдович вскочил с раскладушки, выбежал в прихожую и развёл руками: мол, Тюка – хозяйка. Ульяна и Любомир испуганно перешёптывались, они были не причёсаны, не одеты и, судя по всему, до моего прихода не ели. Глафира попыталась оттеснить мать в кухню, но та упёрла руки в бока и не двигалась. Христофор насутился и нервно ковырял в носу.

– Твой паспорт, Полина, должен быть у меня! – свирепо повторила Марфа Кондратьевна, мелкими шажками приближаясь ко мне. – Всегда паспорта прислуги я забирала и только по своему усмотрению возвращала обратно. Где это видано, что ты не даёшь мне свой паспорт?!

– Вы свои тюремные замашки бросьте, – твёрдо сказала я. – Чтобы заставить Аксиныю выпить таблетку, вы приставляете к её горлу острую отвёртку. Я своими глазами это видела. Мой паспорт вы не получите!

– Ах ты нахалка! – вскричала Тюка. – Меня, коренную москвичку, учить жизни вздумала! Я тебя сейчас на улицу выгоню! Будешь жить у мусорного ящика!

Лев Арнольдович в ужасе покосился на супругу, поёжился, потёр ногу в прохудившемся носке о другую ногу, на которой вовсе никакого носка не было, и, вспомнив зиму, проведённую рядом с теплотрассой, просительно произнёс:

– Может, не надо так круто, Марфа Кондратьевна? Перед тобою чеченская беженка. Проявите, голубушка, христианское милосердие!

– Пошёл прочь, беззубый кобель! – взвизгнула Тюка и запустила в супруга толстенной книгой.

Лев Арнольдович схватил ключ, отпер замок на кухонной двери и укрылся за ней.

– Документы спрятала! Дневники спрятала! Почему с утра до ночи мой дом не убираешь, Полина? – накручивала себя правозащитница.

– Мама, это неправда! – наперебой загалдели Ульяна и Христофор. – Полина всё по дому делает! Нас кормит, играет...

– Вы, Марфа Кондратьевна, бессовестно лжёте! – сказала я. – Мало того что всё чищу, стираю, кормлю ваших детей и спать укладываю, так ещё каждый день делаю это после работы.

Не получив поддержки от семьи, Тюка схватилась за соломинку:

– У меня ребёнок-инвалид! Психически ненормальный ребёнок! Чужой человек в доме нам не нужен!

– Не надо, мама, мучить Аксинью, не надо бить её по голове. – Любомир заплакал. – Полина хорошая! А ты злая! Злая!

– Полина уходит в половине седьмого на работу, а возвращается около десяти вечера, – напомнил, выглядывая в дыру, Лев Арнольдович.

– Она же просто спит у нас! – заступилась за меня Глафира. – Неужели тебе даже места на шкафу для неё жалко, мама?

– На шкафу отныне будет спать Клюква! – басом выкрикнула Марфа Кондратьевна.

– Не-е-ет! – завизжал Любомир. – Не надо старую ведьму!

– Мама, ты с ума сошла?! – заорал Христофор.

– Не позволю! – застучал пятками по полу Лев Арнольдович.

Глафира начала читать вслух «Отче наш» и осенять себя крестом.

– Клюква будет жить с нами! – продолжала орать правозащитница. – Моя квартира! Что хочу, то и делаю!

– Полина, не оставляй нас с ведьмой! – заревела Ульяна.

– Давайте поступим по-человечески, – примирительно предложила я. – Всё заработанное мной ушло на лечение матери, кредит и покупку еды детям. Денег нет ни рубля, вы же знаете. Я ещё пару месяцев посплю на шкафу, а потом буду искать комнату. Комната заберёт мою зарплату, останется процентов двадцать, только на лекарства для матери, а сейчас у меня нет возможности заплатить за два месяца арендодателю и снять жильё.

– Мы не хотим, чтобы ты уходила! – плакали Ульяна и Любомир.

Марфа Кондратьевна с негодованием крикнула:

– Живо гони сюда паспорт, Полина! Диктуй имена людей, у которых работаешь! Их телефоны и адреса!

– Ничего я вам не дам, – ответила я. – Вы требуете это специально, чтобы позвонить и выведать, где мои дневники. Или что-то соврать, как в «Мемориале». Да-да, мне уже рассказали добрые люди. Мы с вами никогда не были друзьями, но я терпела вас из-за детей, которых не могла оставить, – голодных, брошенных и несчастных.

А вы наговаривали на меня в правозащитных организациях, ни разу не рассказали там о дневниках, о ранениях и ни разу не оказали помощь моей семье!

Любомир, Ульяна, Глафира и Христофор бросились меня обнимать со словами:

- Полина нас кормит!
- Полина купает и играет!
- Полину мы любим больше, чем тебя, мама!
- Прогонишь Полину, мы уйдём вместе с ней! – подвёл черту Христофор.

Физиономия Марфы Кондратьевны выражала степень крайнего негодования.

– Ты ещё смеешь мне перечить, Полина?! Вон из моего дома! Я тебя ненавижу! – завопила она, покрывшись бордовыми пятнами.

Лев Арнольдович замахал руками, схватился за сердце, обмяк и плюхнулся на пол у кухонной лавки.

– Может, Полина, ты втайне желаешь мне смерти?! – истошно орала Марфа Кондратьевна. – Отдай мне живо свой паспорт и чеченские дневники!

– Я всегда держу слово, – ответила я на её истерику. – Моему слову можно верить, а вашему – нет.

– Неблагодарная! Ты мне всем обязана! Я твоя благодетельница! – в запале сказала Марфа Кондратьевна.

Последняя фраза очень меня разгневала.

– Чем это я вам обязана, госпожа Тюкина?! Тем, что вывела у вас вшей? Кормила, лечила, дом ваш убирала? Всё, что вы мне наобещали, оказалось ложью! Вы не помогли ни мне, ни моей матери! Она отморозила ноги, у неё едва не началась гангрена, когда вы обманули нас с жильём! Я теперь покупаю ей лекарства! Вы мне не платили! Я не желаю больше видеть вашу лицемерную панскую физиономию, поэтому прямо сейчас ухожу ночевать в лес!

Я ходила по квартире и бросала в сумку свои вещи, постаравшись не забыть полотенце и зубную щётку, а дети бегали за мной, рыдали и кричали:

– Мы тоже уходим!

Глафира и Христофор схватили полиэтиленовые пакеты и стали засовывать в них подушки и простыни: они собирались ночевать в Битцевском парке.

– Ну и проваливайте все вместе! Предали родную мать за стиранные штаны, плов и пироги! – промямлила Марфа Кондратьевна.

– Стойте! – сказала я детям. – Я уйду одна! Без вас. Вы маленькие, вы не можете ночевать в лесу!

Дети плакали и твердили:

– Полина, мы с тобой! Мы с тобой!

Лев Арнольдович крутил головой и тряс бородой. Он, похоже, совсем перестал понимать, что происходит.

Я собрала свои вещи, дети – свои, мы подошли к двери, но она оказалась заперта. Марфа Кондратьевна заперла дверь. Но у меня были свои ключи.

Мы поднялись на два этажа выше, в квартиру Вахтанга Давидовича. На стук вышла Лариса и округлила глаза.

– Мы с Марфой Кондратьевной повздорили, и я отправляюсь ночевать на улицу, – сказала я. – Можно у вас сумку оставить?

– Да, конечно, – пролепетала Лариса, которая сама жила у родителей на птичьих правах. – Тюка совсем с ума сошла, что ли?!

– Мы решили уйти с Полиной! – орала дети. – Мы маму ненавидим!

– Детей ты придержи, – шепнула я Ларисе. – Им ночевать на улице рано...

Лариса пошатнулась и едва не упала в обморок. Часы за её спиной показывали полдвенадцатого ночи. В этот момент на десятом этаже появилась багро-

вая от злости Марфа Кондратьевна, она примчалась за нами по лестнице.

– Я милицию вызову! – истошно кричала правозащитница. – Я отправлю Полину в тюрьму за похищение детей!

– Точно! Лишилась разума! Помилуй, Господь! – Лариса перекрестилась.

– Мы Полину любим! Хотим быть с ней. А ты её в тюрьму, мама? – Глафира и Христофор смотрели на Марфу Кондратьевну исподлобья.

– Я её не выгоняла! – заявила Тюка, обращаясь к Ларисе.

– Скажите тёте Ларисе правду, – попросила я детей.

– Мама Полину прогнала! – ответил на это Любомир. – Вначале паспорт хотела отобрать, а потом сказала: «Вон!»

– Ничего не подтверждайте и не говорите! Я ваша мать! – кричала Марфа Кондратьевна, динамично жестикулируя.

– Врёшь, мама! Ты выгоняла Полину, – орал Христофор.

– Выгоняла! – подтвердила Ульяна.

– Сволочь! – вставил Христофор.

– Я сдам Полину в милицию! – беспомощно озираясь по сторонам, сказала Тюка. – У меня там связи...

Отвернувшись от ошалевшей от происходящего Ларисы, я обняла детей:

– Я ухожу. А вам нужен дом. Вы доказали мне, что готовы погибнуть за правое дело, вы сделали всё, что могли. Дальше я пойду одна!

Христофор вцепился в мою куртку.

– Не бросай меня, Полина! Не уходи! Я умру! Я из окна выброшусь!

– Не бросай! Не уходи! – плакали Ульяна и Любомир.

– Я с тобой! – Глафира была непреклонна. – Пусть эта бессовестная женщина ментов вызывает. Я с тобой до конца!

Дети вели себя как революционеры. Они оказались между двух взрослых женщин, одна из которых вела себя подло, а вторая не могла дать им крышу над головой. Чтобы не подвергать их опасности, я слегка подтолкнула их к Марфе Кондратьевне, а она, воспользовавшись этим, схватила мальчишек и запихнула в лифт. Они начали вырываться, кричать, братьев попытались освободить Ульяна и Глафира, но мать, как орлица, держала их крепко, не забывая громко напоминать, что сдаст меня милиции и мне там покажут, где раки зимуют, если дети сейчас же не подчинятся её воле.

Когда грузовой лифт, стены которого были исписаны матерными ругательствами, закрывался, Глафира выбросила мне плед. До этого она держала его в руках.

– Держи, Полина! Ночевать на улице холодно!

Плед я поймала.

– Как ты могла это сделать, Глафира?! Как посмела?! Это мой любимый плед! Я его на свои деньги покупала! Полина в лесу подохнет, и плед вместе с ней пропадёт! – услышали мы с Ларисой завывания Марфы Кондратьевны.

– Я пошла, – сказала я Ларисе.

– Удачи. Сумку я сохраню, а пустить тебя к нам не могу. Боюсь, что родители нас самих скоро выгонят. Я мужа в дом привела, шестерых детей родила, и седьмой на подходе... – Она горько вздохнула и показала на округлившийся живот.

В свете фонарей мелькали редкие прохожие. По-осеннему безжалостно завывал ветер, играя с тенями. В Битцевском лесопарке стояли скамейки, и я выбрала одну, подальше от родника, чтобы меня не заметили пьяные или обкуренные, блуждающие здесь по ночам. Прислонившись к пологой спинке, я задремала, сжав в руке кинжал.

«Отличное продолжение рабочего дня», – думалось мне. Порывы ветра усиливались, а в полвосьмого утра мне следовало стоять под дверью Бизона и Антилопы. Они не должны ничего заподозрить о ночном происшествии, иначе мне не доверят Никиту. В какой-то момент я, видимо, провалилась в сон, окутанная печалью и пледом, а проснулась от чужого разговора.

– Кто-то там есть, – сказал пропитой мужской голос.

– Давай подкрадёмся поближе, – ответил ему другой голос, помоложе.

Свет фонарика добежал до скамейки.

– Сидит одна... – прошептал кто-то из них.

– Странная...

– Вдруг это лесной дух? – спросил тот, что помладше.

– Баба-яга?!

– Да!

– Если у неё есть костыль, она может дать нам по спине! – задумчиво сказал голос постарше. – Идём отсюда.

Мужчины ушли.

Я посмотрела на часы: половина четвёртого утра. Заснуть больше не удалось.

Дождавшись серого мутного рассвета, я направилась к крану для полива цветов во двор многоэтажки. Руки дрожали от холода, умываться под резкими порывами ветра было крайне неприятно. Плед я спрятала между дверями в коридоре на десятом этаже.

Надо отдать должное Льву Арнольдовичу, Христофору и Любомиру: они искали меня посреди ночи, бегая в отдалении по лесопарку. Но я к ним не вышла. Что мог сделать Лев Арнольдович и малолетние дети? Лев Арнольдович сам был заложником ситуации, и по большому счёту всё, что он мог, – это остаться со мной на скамейке.

Мобильник разрядился, а зарядку я забыла у Тюки.

На работе всё шло своим чередом, а вечером я купила тонкий надувной матрац солнечного цвета, который используют для плавания в бассейне, и отправилась ночевать в подъезд. Купаться я решила у Антилопы, пока Никита спал, а жить под крышей.

В районе Битцевского парка стояли дома, где на каждом этаже между кабинами лифтов и выходом на лестничную площадку был коридорчик примерно метр на полтора, с двух сторон которого находились деревянные двери. Вполне пригодное пространство для ночёвки.

«Если кто-то начнёт ломиться со стороны лифтов, открою дверь и убегу по лестнице, – рассуждала я, – а если от лестницы, то выскочу с другой стороны и уеду на лифте». Минус такого «жилья» – стеклянные окошки, расположенные под самым потолком: вандалы их часто разбивают, и оттуда веет лютым холодом. Но разве это может сравниться с ночёвкой в лесопарке? Нисколько!

В России официально несколько миллионов бездомных, и беженцы из Чечни растворились в толпе несчастных, как капля в море...

Сны мне снились тревожные, сумбурные, будто я находилась не на узком матраце, а на плоту, на который обрушились злые волны.

По утрам я протирала руки и лицо влажными салфетками, а вместо зубной пасты использовала ментоловую жвачку. Иногда я сидела у пруда, чтобы не прийти на работу слишком рано. В подъезде жильцы не должны были заметить следы моего пребывания, поэтому вставать приходилось до шести утра: иначе могли натравить скинхедов, которые убивали бомжей.

В ноябре ночи сделались морозными, поднялся ветер и в столице закружилась метель. Тонкий виниловый мат-

рац совсем не защищал от холодного бетона. Насоса у меня не было, и приходилось надувать матрац каждый раз заново, аккуратно разворачивая его из маленького рулона. Плед и матрац я продолжала прятать за дверями, и самое поразительное, что жители дома совсем не заглядывали в такие коридорчики, а значит, там могло бы жить много бездомных.

Дети Тюки пытались мне дозвониться, но не смогли: телефона работодателей они не знали, а мой мобильник был отключён. Иногда я слышала, как по вечерам они звали меня, блуждая у железного моста, ведущего в лесопарк, и чувствовала, что должна к ним выйти, но не выходила. В этом таилась жертвенность, нечто страшное, торжественное и святое, как в тех песнях, что исполняли вакханки, перед тем как обогреть кровью жертвенный камень.

Когда Антилопа пускала меня к компьютеру, я проверяла почту. Лев Арнольдович и дети писали на мейл: «Полина, если ты читаешь это, немедленно возвращайся!», «Нам без тебя плохо!», «Отзовись, пожалуйста!»

Однажды я набрала им с рабочего телефона.

Трубку взяла Глафира.

– Мы так тебя ждём, Полина! – Она заплакала. – Где ты?! Дома был жуткий скандал. Христофор разбил ногами стену! Я резала руки лезвием, требуя, чтобы тебя вернули. Папа орал на маму. В лесу маньяки! Мама оправдывалась. Сейчас она уехала в Мшанку и неизвестно когда приедет. Она сбежала!

– Раз ждёте, приду, – сказала я. – В подъезде жить холодно, честно говоря.

Дети закричали в трубку:

– Ура!!!

Возвращаясь в дом Марфы Кондратьевны, я сочиняла стихи. Мир казался мне безысходным и горьким, но я упорно продолжала искать в нём смысл.

Это я!

Это мной всё написано.

В этих строках – любовь и печаль.

И семья.

И осенние листья.

И дороги бескрайняя даль.

Понимаете, я не исчезну,

Не растаю в заоблачной мгле.

Вы читаете дни и надежды

Той, что жизнь прожила на земле.

В доме царило всеобщее ликование. Лев Арнольдович накопил сладостей, Ульяна и Любомир плясали, кричали, что я очень крутая и они, если что, тоже будут жить в подъезде. Христофор, Глафира и Лев Арнольдович кружились в хороводе. Возбуждённые коты скакали вокруг.

Между гостиной и кухней в стене зияла громадная дыра.

– Это я сделал! Бил головой и ногами, – хвалился Христофор. – Я маме всю квартиру разнесу, если она ещё что-нибудь подобное выкинет!

Словно ангел-хранитель, он встал между мной и родной матерью.

Плед, за который переживала Марфа Кондратьевна, я принесла обратно. Надувной матрац подарила Любомиру и Ульяне. Христофор и Глафира сбегали за моей сумкой к верхним соседям. Сыновья Ларисы измазали её пластилином и раскрасили фломастерами.

– Модный дизайн! – пошутила Лариса.

За праздничным ужином Христофор торжественно сказал:

– Не позволим маме издеваться над людьми! Раз она называет себя демократкой, мы прочитаем ей лекцию о том, что такое тоталитаризм. Если мама не хочет быть похожа на Гитлера, то позволит устроить голосование и путём честных выборов решить, будет Полина жить в нашей квартире или нет.

– Отлично! – обрадовался Лев Арнольдович. – Я за большинство!

– Представляю, как вытянется мамина физиономия! – засмеялась Глафира. – Особенно когда она услышит слово «демократия»!

«Жить по принципам или только использовать их для манипуляций – это разные вещи!» – Ульяна процитировала комикс о революции.

– Полина – наша мама! – ласково протянул Любомир.

– Я уеду в начале марта, – призналась я. – Семья Никиты переезжает в Троицк. Они предложили мне поехать с ними. Так что недолго вашей маме меня терпеть.

– Нет! Мы тебя не отпустим! – испугались дети.

– Это моя работа. Мне ведь нужно на что-то жить. А к вам я буду приезжать в гости.

– Часто?

– Часто!

– А я ведь когда-то был за демократию... – Лев Арнольдович налил себе вина. – Я защищал Бориса Ельцина на Красной площади!

– Там Ленин лежит, – напомнила отцу Ульяна.

– В августе девяносто первого я встал на защиту Белого дома, я был за Ельцина! Я боролся за свободу! Я верил в демократию! Эх, дерьмократы-казнокрады! Какой переворот ни случись, а дерьмо всегда всплывает... – Лев Арнольдович опрокинул бокал красного и включил

радиоприёмник, откуда с шипением раздался голос лохматого ведущего «Эха Москвы».

Дни, как бусинки на нити, катились между семьями Антилопы и Тюки. На сон отводилось пять часов в сутки, и я физически чувствовала, как происходит тотальное выгорание. Я мчалась, будто загнанная белка в проклятом колесе, которое вращалось по одной траектории: государство выжившим на войне не помогало, помощь правозащитных организаций оказалась фикцией, оппозиционные СМИ помалкивали. Всё, что не сходилось с официальной версией войны в Чечне, нещадно отменялось и замалчивалось, правда свидетелей была неудобна и неуместна.

Учёбу в университете я не бросила, но и не видела в ней утешения: студенты массово давали взятки, чтобы сдать экзамены и зачёты, и покупали дипломы, словно картошку или помидоры. Аферы подобного рода были поставлены на поток. Если позволяли финансы, покупался красный диплом, если денег не хватало – синий. В стране от столицы до горных аулов выросло целое поколение «специалистов», которые были ни в тын, ни в ворот, ни собаке под хвост, как любила говорить моя мама. Страна погрязла в коррупции, а честность порицалась как глупость. Мне хотелось выть и кричать от беспросветной тоски, оттого что светлым умам дорога к искусству и политике была перекрыта, и если кто-то пробивался, то в результате оказывалось, что это подсадная утка. Несколько попыток обратиться в издательства и журналы Москвы привели к ответам: «Нужны фэнтези и детективы, документальных свидетельств не публикуем». Вот и всё.

Я старалась жить добрыми делами: в этом ещё теплилась надежда. Кормила и лечила бездомных собак

и кошек, прекрасно сознавая, что не смогу помочь всем, но руководствуясь одной из своих любимых исламских притч о пророке Ибрагиме (Аврааме). Когда неверные решили сжечь пророка на костре, они разожгли большой огонь. Люди испугались палачей и разбежались. И звери, и птицы опасались подойти к месту казни. И вдруг могучий орёл разглядел на дороге крошечного муравья, бежавшего к огню с каплей воды. Другие звери и птицы потешались над ним, называя его глупцом и сумасшедшим. «Что же ты делаешь? – изумился орёл, обращаясь к муравью. – Разве капля воды спасёт человека? Разве капля воды затушит огонь?!» На это муравей ответил: «Когда Бог спросит меня, что я сделал, видя несправедливость, это будет моим оправданием перед Ним!»

Глафира охотно помогала мне с уборкой и при этом рассказывала христианские истории.

– Как-то в Европе собрался совет верующих: православные, католики и лютеране. У православных был пост. А у католиков и лютеран нет поста! Они положили на столы угощение: сыры, колбасы... Поставили вино! Верующие стали есть и пить. Не отказываться же! Не ела только одна монахиня. Когда к ней подошли священники и спросили, почему она не притронулась к угощению, она ответила: «У нас же пост!» Католики и лютеране очень удивились, так как православные со всех сторон налегали на вино и сыры! И я хочу спросить тебя, Полина: кто был лучше всех на этом совете? – Глафира смотрела на меня выжидающе. – История поучительная! – на всякий случай пояснила она.

– Лучшими были колбаса и монахиня! Остальные так себе...

Лев Арнольдovich захихикал за кухонным столом и едва не расплескал коньяк. Он выпивал с Халилом и Вахтангом Давидовичем. Мужчины тихонько разговаривали о своём.

Многодетный Халил, супруг Ларисы, так напивался со Львом Арнольдovichем, что с ним приключались забавные истории. Однажды он уставился на кухонное окно и, икая, начал удивляться:

– Что это здесь?! Это окно?!

– Это оно! – рассмеялась Ульяна.

Теперь, пока я мыла посуду, он опять крепко принял на грудь и, покачиваясь, спросил:

– Что это? Это окно?!

– Да, – с некоторой гордостью ответил Лев Арнольдovich. – Оно уже приходило сюда некоторое время назад.

Мы все захохотали, а высокий смуглый Халил продолжал удивлённо таращить чёрные глаза. Окно на кухне было во всю стену, но в трезвом состоянии гости его не замечали.

В конце осени в Москву вернулась Марфа Кондратьевна. О моих ночёвках на улице она даже словом не обмолвилась: мол, ничего особенного не произошло.

Как-то раз она собиралась на митинг и гремела знамёнами, напомнив мужу и детям, что Ирис Тосмахин – антихрист и она его будет защищать исключительно для того, чтобы сделать ему внушение и направить на путь христианства.

*Моя главная задача –
Путь антихриста пресечь.
И Тосмахин горько плачет,
Кротко внемля мою речь, –*

тут же нашёлся Лев Арнольдovich.

Тюка, дописав транспарант «Нам не нужны цари и президенты! Вся власть – правозащитникам! Спасём Тосмахина от тьмы!», погрозила мужу пальцем.

Решив, что в наших отношениях всё будет по-прежнему, Марфа Кондратьевна попыталась не отпустить меня к зубному врачу.

Частный врач работал только по воскресеньям, а к обычному мне было не попасть из-за круглосуточной работы. Но я всё-таки ушла, сказав, что рабыня должна поставить себе пломбы, иначе не сможет говорить от боли. Тюка недовольно скривилась и попыталась выведать, откуда у меня деньги на зубного врача.

– Получаю зарплату за работу в другом месте. Не ваше дело мои копейки считать! – огрызнулась я.

На обратном пути я проверила почтовый ящик – там лежало письмо от матери Ириса Тосмахина.

Добрый день, Полина!

Была у сына в тюрьме. Всё про Вас говорили, про неподъёмную работу Вашу и тяжёлую ношу. Я и дня не смогла бы вынести хамства Марфы Кондратьевны, её нежелания считаться с чужим мнением, жизни по принципу «Что хочу, то и делаю!». Надо было не ночевать на скамейке, не мёрзнуть в подъезде, а приехать ко мне. Вы должны обязательно уйти от неё, невзирая на Льва и детей. Зачем Вы посадили их себе на шею?

Дети Марфе Кондратьевне не нужны, она не умеет их воспитывать. Не могу понять причину её страшной ненависти к Вам: у Вас золотые руки и характер. Я не советую Вам заниматься её детьми, это бесполезно при полном отсутствии воспитания со стороны родителей.

Я неоднократно просила Тюку оставить в покое моего сына, борца с режимом, и прекратить пиариться на нашей семье, но она, гадюка, продолжает своё чёрное дело. Она ездит в тюрьму и разыгрывает из себя правозащитницу.

Арина Леопольдовна.

По пути к Никите я сочиняла стихи:

Повиснуть над пропастью
Или сорваться?
Жизнь на волоске.
И будет над чем нам горько смеяться,
Глотая sake.

Промокшие от дождя тротуары,
Блестят фонари...
Я буду гулять одиноко,
Без пары,
Опять до зари.

Скамейка в осеннем лесу не пустует,
Она мне кровать.
Кто в мире ещё так прекрасно ночует
В свои двадцать пять?

Укутаюсь в плед:
Холодает под утро,
И руки дрожат.
А кто-то мне скажет: «Ты делаешь мудро!»
Мечтаю – сбежать.

Уйти по тропинкам сквозь горные склоны
В другую страну.
И жить,
Как велят Светлой книги законы,
Не зная войну.

Мне открыла грустная Антилопа.

– Полина, вы отдали мне здорового ребёнка, а я вечером забегалась, закрутилась... Никита активный, как

юла. Забежал в туалет и приснул себе в лицо хлоркой. Обгорели щёки и губы, страшно смотреть. Слава богу, целы глаза, – сказала она.

Когда я увидела Никиту, не смогла сдержать слёз. Его щёки горели, подобно красным макам. Убегая, Антилопа дала мне мазь и рассказала, как обрабатывать раны.

За окном валил снег, заметая Москву, а я читала молитвы на арабском языке, чтобы у Никиты быстрее всё зажило.

Днём после прогулки, пока малыш спал, мы смотрели с Гарри фильм о разбойниках. Неожиданно он поставил его на паузу и сказал:

– Няня Полина, меня распирает! Это очень важный психологический тест! Можно я его вам задам? Вы представьте себе, что увидели «мерседес». Около него на земле лежат ключи. Машину легко угнать! Ведь иначе всю жизнь себе не простишь, что не воспользовался такой удачей!

– Мне и в голову не придёт красть чужой «мерседес»! – ответила я.

– Как же так? Тут только два ответа: украсть его не задумываясь и украсть после долгих колебаний!

Он сверился с текстом в телефоне.

– Не буду я его красть!

– Но такого ответа тут нет... – разочарованно протянул он.

– Пора тебе, братец, на тренировку.

Гарри глянул на часы и был таков.

А я задумалась над своей участью. Мне нужно было докопаться до истины, что стало с письмом, адресованным Солженицыным. Когда-то я попросила у них помощи с изданием дневника, переездом в Москву и работой. Моя мама написала им второе письмо, рассказала о той части дневников, что я вела во Вторую чеченскую. Оба

письма ушли в фонд. Целый год Марфа Кондратьевна выкручивалась: «Ни “Мемориал”, ни фонд Солженицына таким, как ты, не помогают. Письма приходят тысячами! Их даже не читают! Их сразу в мусорную корзину кладут! Твоё письмо случайно прочитали и передали мне, сказали: кому нужна нянька – вот есть, бедняжка».

Была ли правда в этих словах? Меня одолевали сомнения.

Первое, что приходило на ум: Марфа Кондратьевна Тюкина постоянно околачивалась в фондах и посольствах. Её могли попросить разобрать корреспонденцию, и моё письмо она просто украла. Но у меня не было подтверждения этой догадке.

Уложив Никиту, я через компьютер Гарри зашла на сайт фонда и выяснила, что по вторникам Наталья Солженицына находится в офисе. Был вторник, и я набрала указанный телефонный номер.

– Здравствуйте, меня зовут Полина Жеребцова, – сказала я, глядя в окно. Я любила смотреть, как падает снег, и при этом говорить.

– Здравствуйте, Наталья Солженицына у аппарата, – ответили мне.

Говорили мы долго. Я рассказала Наталье Дмитриевне о чеченских дневниках и о том, как живу.

– Для истории важны голоса реальных свидетелей, тех, кто видел войну на самом деле. Территория пост-правды – это вымысел.

– Понимаю, что замалчивают. Не дают площадки для выступлений, не пускают. Боятся, – сказала Наталья Дмитриевна.

– Я очень ищущу издательство. Помогите! – попросила я.

– Полина, милая, сама ищущу, как издать весь архив Александра Исаевича. Помочь с издательством вашей книги ни в России, ни в Европе я не могу.

– Вы читали моё письмо? Это вы передали его Марфе Кондратьевне Тюкиной?

– Письмо?! Какое письмо? – искренне удивилась Наталья Солженицына.

– Моё письмо. Я просила вашу семью мне помочь...

– Простите, но я никогда не видела вашего письма, – ответила она.

– То есть Марфа Кондратьевна его украла?! – в гневе воскликнула я.

Наталья Дмитриевна печально вздохнула:

– Она у нас корреспонденцией какое-то время занималась...

– Она украла моё письмо! Воровка! – не сдержалась я.

– Полина, пожалуйста, не расстраивайтесь. Письма приходят сотнями. Она могла пересказать содержание или даже показать мне письмо, а я предложила, чтобы кто-нибудь из сотрудников взял вас к себе. Вероятно, мог состояться такой разговор. Даже если она взяла это письмо без спросу... Я не хочу скандала. Вы меня понимаете?

– Понимаю. Но мне хочется дать ей пощёчину, – сказала я.

– Вы ведь очень дружны с её детьми?

– Да, они мне как родные, – смягчилась я.

– Вот видите. Нет худа без добра, – сказала Наталья Солженицына. – Будете в центре Москвы, заходите к нам в гости.

– Спасибо!

Мы попрощались.

Наш район замело снегом, а я смотрела и думала, что лучше в ближайшее время не видеть Тюку, ведь могу не сдержаться и сорвусь, а в гневе ничего говорить или делать нельзя – этому правилу я всегда следовала.

Вечером Христофор и Ульяна с порога сообщили, что мама в очередной раз забыла купить еды и улетела в Страсбург, и я строго-настрого запретила им упоминать о Тюке.

- Еды куплю, а о маме ни слова, – велела я.
- Хорошо!

Обрадованные, что я приготовлю ужин, дети убежали смотреть мультики. Аксинья с чёрными кругами под глазами и обрезанными под машинку волосами стучала ложкой по тарелке и выразительно смотрела на меня.

– Я привёз Аксинью из психбольницы, заставил Тюку подписать нужные бумаги, – сказал Лев Арнольдович, сидя в кухне у радиоприёмника.

– Правильно сделали! Но слышать о вашей жёнушке я не желаю...

– Чего так? – поинтересовался он.

– Ваша жёнушка украла моё письмо, адресованное Солженицыным! – выпалила я. – Украла письмо, прочитала его, воспользовалась моим бедственным положением и заманила в няньки-приживалки. Но её план провалился, потому что я нашла другую работу.

Лев Арнольдович мгновенно ошетинился. И тут мне стало ясно: он прекрасно знал, что Марфа Кондратьевна украла письмо. Он изначально это знал! А я всё время считала его другом.

– Ну и что, что украла! – Он затрясся от негодования. – Кто ты такая, чтобы твои письма читали Солженицыны?! Кто ты такая?! Ты никто! Нам нужна была работница по дому, и Тюка решила сделать благородное дело...

– Вы на её стороне? – вкрадчиво спросила я.

– Она моя супруга!

– Была. Вы в разводе и живёте здесь по её милости.

– Да как ты смеешь?! – Он вскочил с лавки.

– Смею. Она украла моё письмо!

– Полина, посмотри на это иначе, – более миролюбиво сказал Лев Арнольдovich, усаживаясь обратно на лавку. – Хорошо, взяла она твоё письмо... У неё были свои хитрые планы. Но ты приехала и скрасила нашу жизнь. Ты заштопала нашу одежду и вывела нам вшей. Накормила! Я надеюсь, мы навсегда останемся родными людьми. Человек полагает, а Бог располагает. Вот так вот. Что раньше было – забудь, теперь я считаю тебя своей приёмной дочкой.

– Я всё равно ей выскажу! – не сдавалась я.

– Не нужно этого делать, Полина, – попросил Лев Арнольдovich. – Тюка разъярится и прогонит тебя на улицу. И меня заодно. Или доведёт до суицида. Идти тебе некуда. Снять жильё дорого. Помощи и поддержки нет. И мне идти некуда. Что будет с детьми? Ты подумала об этом? Я же ради них всё терплю!

– Предполагаю, что, когда я найду издателя и устрою презентацию, Марфа Кондратьевна первая прибежит под камеры и начнёт изображать, как всё это время меня «поддерживала»!

– Скорее всего, так и будет, – кивнул Лев Арнольдovich. – У тебя, Поля, дар провидца.

– Игра в злого и доброго полицейского. Вы – добрый, а Марфа Кондратьевна – злой.

– Пусть так. – Лев Арнольдovich сник и полез в буфет за бутылкой. – Но всё же мы любим тебя, Поля. Мы все. Разумеется, кроме Тюки, – уточнил он.

С утра моросил дождь со снегом, а мы поехали к Потапу. Билетов на пригородную электричку у нас, разумеется, не было.

Когда на очередной станции вошли контролёры, добрая часть пассажиров перебежала в другие вагоны. Мы тоже бегали туда-сюда и даже во время перебежек уму-

дрились познакомиться с женщиной. Она выглядела измученной, сказала, что работает фасовщицей за гроши, без оформления. От усталости её качало из стороны в сторону.

– Болят руки. Жить негде. Снять жильё невозможно, помощи от государства нет. Мне разрешили ночевать на неотапливаемой даче, похожей на сарай. Там можно упасть на солому и поспать. Еду в Чехов, чтобы выспаться перед очередными сутками. Пенсии нет, хотя мне уже за шестьдесят, потому что нет постоянной прописки, – разоткровенничалась она.

Христофор нервничал, опасаясь контролёров, и активно ковырял в носу. Пожилой мужчина-безбилетник решил его урезонить:

– Мальчик, что у тебя там?

Христофор поднял глаза и невинно произнёс:

– Сопля! Вкусная! Хотите?

Вагон взорвался от смеха. Почувствовав всеобщее внимание, Христофор пустился в более глубокие откровения:

– Пластмассовая канистра, в которой сестрица Акси-нья носит воду из родника, была вначале грязная, наш папа нашёл её в мусорном баке. Помыл. Теперь мы из неё воду пьём!

Лев Арнольдovich закашлялся, услышав такое, и решил не сходя с места отлупить сыночка. Христофору пришлось уворачиваться и прятаться за людей.

– Ты малолетний дурак! Хочешь, чтобы Полина ещё и это в дневник записала? – взволнованно орал Лев Арнольдovich.

– В своём лице мы опозорили всех правозащитников мира, – грустно пошутила Глафира.

– Ничего подобного! – возразила я. – Ваша семья уникальна! И по-своему замечательна!

– Если в нашей квартире поставить видеочамеры, никто не смотрел бы шоу «Дом-2», вся страна прилипла бы к экрану и наблюдала настоящий дурдом... – подытожил Лев Арнольдович и грустно вздохнул: – Эх, не коммерсанты мы, не продюсеры...

Недалеко от дома Потапа я купила в магазинчике дыню и торт. Приходить в гости с пустыми руками – дурной тон.

Нас ждали. Анфиса резко постарела, похудела, осунулась. Я вначале даже не узнала её. А Фирюзе лучезарно улыбалась.

Христофор с порога завёл рассказ о том, как родители на днях подрались:

– Я спросил у папы: «Почему ты не дашь маме сдачи?» Папа ответил: «Мама большая и опасная!»

Потап засмеялся, а Лев Арнольдович нахмурился.

Усевшись за стол, Христофор сообщил о том, как папа и мама поминали Анну Политковскую.

– Да простит олухов Анна Степановна, – сказал на это Потап.

Лев Арнольдович помрачнел ещё больше.

– Мне родители разрешили выпить за упокой её души несколько стаканчиков винца! – продолжал Христофор.

– А мне мама внушает, что я никому не нужна, никто не женится на мне... – пожаловалась Глафира. – Мама сказала, что моя судьба – до конца своих дней нянчить Аксинью. И ещё она сказала, что я страшная, что у меня горб растёт на спине...

– Занимайся йогой и зарядкой. Не будет у тебя никакого горба! – встряла я.

– Глафира внешне похожа на мать, – заметила Анфиса. – Ей необходимы целительные практики Потапа!

– Нет, спасибо. – Глафира смутилась.

– Все дети у меня разные: Христофор – вылитый я, Аксинья похожа на деда, отца Тюки, – разоткровенничался

Лев Арнольдovich. – А Ульяна совсем как её прабабка. Та, говорят, немало парней свела с ума своими зелёными глазами и рыжей копной волос. Её даже называли колдуньей!

– А помнишь, папа, как появился Любомир? Никто не знал, что мама беременная, она скрывала это, – задумчиво произнесла Глафира. – Неожиданно приехала скорая помощь, забрала её в больницу, а потом Любомир родился!

– Да, папа, ты был просто в шоке, не мог поверить! – поддержал сестру Христофор.

– Было такое, – глядя в бокал, подтвердил Лев Арнольдovich. – Тюка в Чечню моталась. Потом приехала и огорошила сюрпризом!

– Я – сюрприз! – обрадовался Любомир.

– Правда, что Любомир смахивает на абрека? – пошутил Христофор. – Это потому, что мама была в Чечне!

Потап отправил детей играть, а Льва Арнольдovichа и Аксинью Фирюзе отвела в баню.

Мне волшебник сказал:

– Чудаковатое семейство! Дети родились исключительно потому, что оголодавший в тайге Лев нашёл Тюку. Она мотала там тюремный срок. Тюка в тридцать лет была девственницей! Знаешь, как всё случилось? Отправился он из одного посёлка в другой, а там идти километров сто. Запутал. Кругом болота. Голодный и злой, к утру добрался он до лагерного поселения, где чалилась Тюка, а она как раз по ягоды пошла. В то время у Льва стоял со звоном! Друзья-собутельники ему прозвище дали – Чакушка-потрахушка: на всё, что двигалось, кидался. А потом она освободилась и его в Москву привезла...

– Дети – самое чудесное, что есть в жизни, – прервала я крайне неудобный разговор. – К тому же в России нельзя доверять социальным службам и милиции. Я считаю,

что детям лучше с родителями, пусть и в такой семье, как у Льва Арнольдовича и Тюки.

– Тюка в тайге мхом покрылась бы, если бы не Лев...

– Лев Арнольдович рассказывал, что вы ему однажды жизнь спасли... – смутившись, перебила я.

– Если бы один раз. – Потап засмеялся.

Разговор перешёл на потусторонние знаки, и я спросила о том, что давно меня терзало:

– Неужели для того, чтобы показать наглядно, высшие силы никого не жалеют?

– К чему ты это, Полина? – удивился Потап.

– Никак не могла решиться уехать в Москву, и у нас погибла кошечка Пулька. Потом кот Василий, его сбילה машина. Словно они меня отпускали, подталкивали к отъезду.

– А ещё что-то похожее было?

Я рассказала про голубей. Как однажды, играя в злую волшебницу, я вызвала бурю, и птицы погибли.

– Кто-то через детскую чистую душу проявил свою силу! – сделал вывод Потап. – Это была не ты!

И я очень обрадовалась такому ответу.

Лев Арнольдович вышел из бани довольный, порозовевший. Аксинья от пара присмирела. Дети попросили сложить салаты и остатки пюре в пластмассовые коробочки.

– Потом съедим! – сказали они Потапу и Анфисе.

Мы попрощались со стариками, родителями Потапа, которые жили во флигеле; они редко выходили на улицу и были рады шумным гостям.

В Москве нас поджидала Тюка. Она вернулась из Страсбурга ночным авиарейсом. Поужинав тем, что мы привезли от Потапа, правозащитница завелась:

– В Европе настоящие демократы! Надо менять к чёртовой матери систему в России...

– Что менять будешь сначала, голубушка? – съехидничал Лев Арнольдovich. – Квартиры на дома или рубли на доллары? Говорил тебе, держи сбережения в евро!

– Ты, старый, не нарывайся, – строго ответила Марфа Кондратьевна. – Иди к себе на раскладушку, пока я добрая...

Дети обступили мать и рассказывали о нашей поездке. Лев Арнольдovich дипломатично ушёл.

– Президент – фашист! Надо желать ему смерти перед сном, – сказала детям Марфа Кондратьевна.

У них вытянулись лица.

– Никому нельзя желать смерти! – возразила я.

– Это он начал чеченскую войну! – заорала правозащитница. – Чеченцы пострадали! Чеченцы несчастные! Смерти ему! Смерти!

– Перестаньте нести околесицу, – сказала я. – Войну в Чечне начал президент Ельцин. А пострадали в республике все народы, в первую очередь – русские, которые жили в Грозном. Нет одного пострадавшего народа и никогда не было! Это выдумки тех, кто кормится благодаря иностранным грантам. А пострадали и русские, и чеченцы, и цыгане, и ингуши, и евреи. И многие другие.

Марфа Кондратьевна поперхнулась.

– После молитвы перед сном надо желать правителю смерти! – стояла на своём православная дама. – Вначале «Отче наш», потом проклятия.

– Дети, никому и никогда не желайте смерти! Я была под бомбами десять лет и смерти никому не желаю. Это мерзко, подло и недостойно, – выпалила я.

– Не будем, Полина, – пообещали мне дети.

Марфа Кондратьевна затопала ногами и убежала от нас, хлопнув дверью кабинета. Через минуту она вышла оттуда и заявила:

– Тридцать первого декабря девяносто девятого года вы должны были смотреть телевизор и знать, что власть перешла к Путину!

– Вы понимаете, какую говорите ерунду?! – спросила я. – В городе нет воды, нет еды, нет электричества и отопления, кругом руины, мы спим на заледеневшем полу, выбита входная дверь, от взрыва рухнула стена и вывалилось на улицу окно. На первый этаж упали верхние этажи. Вы уверены, что у кого-то в такой момент работал телевизор?

– Но у нас же работал! – безапелляционно возразила Марфа Кондратьевна.

Лев Арнольдович вскочил с раскладушки:

– Чеченским боевикам и русским солдатам нужно было накрыть столы с водкой! Водка и закуска! Вот тогда бы русский и чеченский народы точно помирились!

Как же они были далеки от наших реалий, от нашей войны, совершенно ничего не смысля в традициях Кавказа! Именно такие люди в правозащитных организациях и передовых СМИ считались экспертами по Чечне. Никому не нужен был громкий голос, который рассказал бы, как всё было на самом деле, не выгораживающий тех или других. Я оказалась неудобным свидетелем не только для двух противоборствующих сторон, но и для подобных активистов.

Утром Лев Арнольдович с отпрысками поехал в посольство Израиля – проситься в Землю обетованную. Я за него порадовалась, зная, как он хочет сбежать в тепло и уют. Целый день на работе я вспоминала его хитрющую бородатую физиономию и желала им удачи.

Вернувшись, я обнаружила Льва Арнольдовича в кухне. Мне показалось странным, что «Эхо Москвы» не орёт на весь дом: действительно, радиоприёмник был выключен, а на его корпусе осталась вмятина, словно от удара

кулаком. Хозяин сидел на лавке, на столе стояли пустые бутылки.

– Добрый вечер! – сказала я.

– Издеваешься, Поля? – ответил Лев Арнольдович, непрерывно глядя в пустой стакан, как в подозрную трубу. На нём была рваная майка, прохудившиеся брюки и один носок.

– Я с работы. Вошла и вижу: вы не в духе. Есть хотите?

– Не видать нам врат Израиля! – с отчаянием в голосе выкрикнул Лев Арнольдович.

– Как же так? – удивилась я. – Вы же хотели приникнуть к ладоням Израиля...

– Приникли мы, Поля, к жопе, к самой её серединке.

– Как же вы спутали? – засмеялась я. – Еврейская поговорка гласит: не перепутай попу с ладонью.

– А всё благодаря Марфе Кондратьевне, пра-во-за-щит-ни-це. – Последнее слово Лев Арнольдович растянул по слогам.

– Тогда всё ясно... Сыр с хлебом будете?

Услышав про хлеб и сыр, из комнат в кухню прибежали дети.

– Мне, Полина! Мне! – раздались их голоса.

– Детям отдай, а я ещё коньячку поищу. – Лев Арнольдович пошарил за кадкой с сухими цветами и вытащил оттуда круглую бутылку, наполненную янтарной жидкостью.

– Будет вам, Лев Арнольдович. Не пейте, ради бога, – попросила я.

– Не могу, Поля. Душа горит!

– Лучше расскажите, что стряслось.

Лев Арнольдович засопел, потёр переносицу и заговорил:

– Ходил я с детьми пикетировать посольство. Мы плакаты в руках держали: «Пустите нас в рай на земле». Я Христофора подучил, он кричал, что будет в израиль-

ской армии служить, бить врага-палестинца. Аксинья выла, как одинокий волк, заслушаешься. Инвалидов в Израиле жалеют, любят. Её бы сразу определили в клинику! И свершилось наконец, о чём мечтали: позвали нас внутрь. Вышел важный человек, документы посмотрел. Сжалился, глядя на детей. Сказал мне: «Заполняйте анкеты, будем оформлять как репатриантов, хоть прямое родство и трудно доказать».

– Поздравляю! Это же отлично! – воскликнула я.

– Было отлично. Пока не появилась Марфа Кондратьевна. Она не позволила нам спастись, не дала вырваться. Оказывается, она следила за нами! Как только нас запустили, Тюка следом ворвалась. И прямо в кабинете консула заявила, что на Руси мы больше нужны, что мы все обращены в православие.

– И что? – не поняла я.

– Как «что»?! Ты правда не понимаешь, Полина? Ты не понимаешь?! – Лев Арнольдович глотнул из бутылки, успокоил дрожащие руки и продолжил: – Если мы православные, значит, для еврейской культуры потерянные. Не чтим мы закон Моисея! Не знаем Талмуд! Об этом надо было молчать, а она специально рассказала. Не захотела лишиться бесплатного гувернёра и раба. Барыня Тюка!

– Что тут скажешь...

– Тюка специально всё подстроила! Видела бы ты, Поля, глаза евреев. Они были в шоке. Сразу понадобилась куча новых бумаг, и нас по-быстрому выпроводили. Не видать нам врат Израиля!

Лев Арнольдович сокрушённо тряс головой и пил прямо из горла.

Глафира, отведав бутерброды, размешивала чай в только что вымытой мною чашке папиными очками и смеялась над своей выдумкой:

– Чистой ложки всё равно нет!

– Папа забыл очки в маслѐнке! – веселилась Ульяна.

Христофор и Любомир, съев свою порцию ужина, начали наматывать сопли на пальцы и беззастенчиво их жевали.

– Вкусно же! Десерт! – повторял за братом Любомир.

Пока я пыталась это прекратить, Лев Арнольдович загородил дорогу Марфе Кондратьевне, вошедшей в прихожую с транспарантом «Не ту страну назвали Гондурасом!».

– Где ты шлялась, барыня?! Полуночицаешь?! – злобно взвизгнул он. – Мне денег не даёшь! Пенсии у меня нет! Не прописываешь меня! В Израиль не отпускаешь! Довести хочешь до смерти?!

Марфа Кондратьевна стойко молчала.

– Бессовестная ты женщина, Тюка! – продолжал надирать Лев Арнольдович. – Я так больше не могу, я буду кричать, я буду выть. – И на самом деле завыл.

Марфа Кондратьевна не торопясь положила транспарант в прихожей на диванчик, взяла портфель с пеналом и тетрадками и с размаху надела супругу на голову. Лев Арнольдович сбросил с себя портфель и попытался оказать сопротивление, но святая матрона, зарывав, как медведь, прижала его к шкафу и вlepила пощёчину. Лев Арнольдович хотел было что-то сказать, но получил кулаком ещё и по другой щеке. Не выдержав такого напора, Лев Арнольдович грохнулся на коврик, после чего супруга ударила его несколько раз ногой по рѐбрам. Перешагнув через лежащего ничком миротворца, Марфа Кондратьевна горделиво вскинула голову, смерила нас, застывших в проѐме кухни, презрительным взглядом и чинным шагом удалилась в кабинет. Мы отчётливо слышали, как щёлкнул замок.

– Теперь пару дней её не увидим... – сказала Глафира.

– Не переживай, куплю вам пиццу и сварю суп с минтаем. А вечером с работы сосисок принесу, – пообещала я.

Мы помогли Льву Арнольдовичу встать и уложили его на раскладушку. Во хмелю он повёл себя словно злой бульдог из мультика: вскочив, погнался за Христофором, а потом и за младшими, грубо и бессвязно орал. Христофор с Ульяной и Любомиром спрятались под стол.

Не найдя детей, он побежал в свою комнату, открыл шкаф и, вывалив вещи на пол, начал топтать их ногами.

Христофор, Ульяна и Любомир тихонько смеялись под столом, а Глафира с книгой в руках уселась на лавку так, чтобы их загородить, пока отец не успокоится.

Закончив домашние дела, я рассказывала им сказки «Маленький Мук», «Холодное сердце» и «Корабль с привидениями».

– Где-то есть клад! Волшебная палка и туфли-скороходы! Найди я этот клад, умчался бы далеко-далеко отсюда, – мечтал Христофор. – Волшебной палкой денег бы для нас настучал!

– Что делать? Куда быть? – путая слова, спросил Любомир.

Уснув в три часа ночи, я увидела чёрный экран.

– Это экран твоих прошлых земных рождений, – пояснил Межгалактический Капитан, возникая из темноты. – Ты во все века стремилась к власти. Истинная натура авантюристки.

– Что?! – обиженно воскликнула я. – Какая ещё авантюристка?! Какая власть?!

– Сама посмотри. – Капитан усмехнулся.

Чернота экрана начала переливаться цветами радуги, и я оказалась в одиннадцатом веке. Я знала, что это – просмотр одного из моих рождений.

Мне было двадцать лет, и я была очень красива, высокая и стройна. Мои каштановые волосы опускались ниже пояса.

Англия. Каменная крепость – наш дом. Всё вокруг было настолько реально и чётко, что будь я профессиональным художником, то смогла бы зарисовать в мельчайших деталях полукруглые башни, изогнутые мосты, внутренние строения, лица воинов и крестьян, одежду, оружие, утварь... Арочные проходы для всадников, извилистые узкие улочки и пышные сады – вот что скрывали высокие серые крепостные стены.

Полтысячи человек находилось в осаде безжалостных викингов. Мы ждали помощи от нашего короля. Но армия не подросла. Защитники крепости приняли решение открыть ворота и самостоятельно дать бой иноземцам. Их благородный порыв не увенчался успехом.

Дикие кровожадные всадники, как коршуны, летели по арочному тоннелю. Мелькали чёрные рогатые шлемы, широкие, влажные от крови мечи, топоры и острые булавы на цепях, которые легко разбивали головы несчастных. Мы жались к внутренним постройкам в надежде спастись.

С нами находился сын короля, он тоже бесстрашно сражался. В короткой схватке добрую часть воинов перебили. И враги заполонили нашу крепость. Викинги были очень злы, потому что осада показалась им слишком долгой. Они убили сына короля и его невесту. Я отчётливо видела крестьянку в льняном платье, её грудь при мне проткнули мечом. Она умирала. Худенькую девочку-служанку ранили в шею, она кашляла кровью. Сквозь телесную оболочку я рассмотрела её душу. Это было одно из прошлых воплощений Христофора. «Вот почему мы иногда встречаемся в разных жизнях и он всегда младше меня», – промелькнуло в голове.

Умирающая женщина прохрипела:

– Вас убьют! Спрячьтесь, спрячьтесь...

Я бросилась в баню вместе с другой служанкой, но один из викингов в рогатом шлеме на скаку отрубил ей голову, и она с распахнутыми голубыми глазами покати­лась по зелёной траве...

Заскочив в деревянную постройку с полукруглыми ок­нами, я захлопнула дверь и перетянула её цепью. Дверь незамедлительно начали выламывать, но мне удалось вылезти в окно напротив. В саду и на дорожках лежали убитые и раненые. В какой-то момент я запуталась в пла­тье и упала. Среди алых роз и белых лилий умирала де­вушка. Из-под её корсажа торчал уголок какого-то доку­мента, залитый кровью. Она испустила последний вздох на моих руках. Я вытащила бумагу и попыталась её прочесть. Но поскольку грамоту я знала плохо, то разобрала лишь некоторые слова. Я спрятала документ за корсаж, догадавшись, что в нём написано: предъявитель сего – не­законнорождённая дочь короля и простолюдинки. Дочь короля тайно жила среди нас. На потёртом документе был нарисован герб и стояла печать в виде птицы. Я укры­лась в зарослях и дрожала, слыша, как добивают людей вокруг. Я старалась не издавать ни звука.

К вечеру войска короля окружили павшую крепость, и началось новое сражение. Суровые викинги ликовали недолго и сдались на милость победителя.

Чёрный экран погас и вспыхнул снова.

Вельможи в шёлковых нарядах толпились в дворцо­вом зале. Советники и ближайшие соратники короля были допущены в опочивальню его величества. Король умирал. Он обводил взором пришедших, не узнавая их. Его верные подданные твердили о том, что в государстве нет наследника. Единственный сын короля погиб вместе со своей невестой.

– Мать перед смертью завещала мне хранить это письмо, – сказала я.

Советники и знатные вельможи, столпившись у постели умирающего, внимательно рассматривали бумагу.

– Она дочь короля! – переглядываясь, шептали они. – В ней течёт королевская кровь!

Экран погас на секунду, словно я закрыла веки, чтобы открыть их вновь.

Я шла к трону. Священник шептал молитвы и, надев на меня корону, украшенную рубинами и сапфирами, почтительно склонился.

– Видишь? – довольно шепнул Межгалактический Капитан, появившись за моим левым плечом. – Что я тебе говорил?!

С раннего утра Лев Арнольдович продолжал бушевать, как потом рассказали мне дети, и Марфа Кондратьевна намеревалась избить супруга, но ему удалось скрыться в уборной.

– Папа нецензурно ругался, мы выучили пару новых выражений! – сообщил Христофор.

– Может, всё-таки уйдём жить в лес? – спросила меня Глафира.

– А папу и маму видеть не будем! – поддержали сестру Ульяна и Любомир.

– Зимой в лесу холодно, а тёплой избушки нам не построить, – огорчила я их.

Марфа Кондратьевна объявила детям, что со Львом Арнольдовичем у них давно оформлен развод и он живёт в квартире на птичьих правах. Дети спросили меня, что это значит, но я перевела разговор на свой удивительный сон.

– На несколько миллионов человек иногда встречается один, который сам, вопреки всем невзгодам, строит

свою судьбу. Это ты, Полина, – восхищённо сказала Глафира. – Я так рада, что знакома с тобой! Все плывут по течению, а ты – нет.

– Ты пират! Настоящий абрек! – поддержал Глафиру Христофор.

– Люди живут и умирают, не понимая, зачем они здесь, а ты знаешь. – Глафира продолжала философствовать.

– Капитан, воины, крепость... – Любомир стоял с открытым ртом.

Видя, что увлекла их беседой, я вручила детям веник и швабру, и, пока разбирала постиранные вещи, они подмели комнаты. Ульяна собрала разбросанные отцом книги и сложила их стопками.

Лев Арнольдович после бурного выяснения отношений с супругой пил в прихожей настойку и твердил, что религиозный философ Дмитрий Мережковский не писал стихов.

– Не поэт он! – повторял Лев Арнольдович.

– Он и писатель, и поэт! – утверждала я.

– Значит, ты бы, Поля, дала Нобелевскую премию ему?! Ему, а не Бунину?!

– Да! – крикнула я из кухни, пытаюсь отчистить облицовку прокисшим кефиром электрическую плиту.

– За что?! – возмутился Лев Арнольдович.

– За роман «Юлиан Отступник»!

– Не писал он стихов, да и проза была так себе... – недовольно пробурчал Лев Арнольдович.

*И вновь, как в первый день создания,
Лазурь небесная тиха,
Как будто в мире нет страданья,
Как будто в сердце нет греха.*

Не надо мне любви и славы:
В молчаньи утренних полей
Дышу, как дышат эти травы...
Ни прошлых, ни грядущих дней

Я не хочу пытать и числить.
Я только чувствую опять,
Какое счастье – не мыслить,
Какая нега – не желать! –

прочитала я стихи Мережковского.

Наступила пауза. После чего Лев Арнольдович опрометью унёсся на раскладушку.

– Мама принесла протухшей рыбы и накормила кошек, их потом рвало, в том числе и на раскладушку папы, – сказал Христофор.

Тихо-тихо. Ночь темна.
Тикают часы.
Кот на папу блеванул
И подтёр усы, –

сочинила Глафира.

– Пакости сочиняете! – прикрикнула на детей Марфа Кондратьевна.

Около полуночи Лев Арнольдович и Марфа Кондратьевна затеяли ссору.

Прорвало канализационную трубу, но Марфа Кондратьевна не хотела перекрывать краны, поэтому соседей снизу залило.

– Коты обгадили вещи! Нужно стирать! – оправдывалась перед ними Тюка.

– Какое нам дело до вашего сумасшедшего дома! – надрывались соседи. – Как вы нам осточертели!

Марфа Кондратьевна захлопнула входную дверь перед их носом.

Вскоре в дверь опять позвонили, но уже не соседи, а разбуженный и потому злой сантехник. Он вошёл в квартиру и ухнул, как филин.

– После увиденного запьёт дня на четыре! – подвёл итог Лев Арнольдович.

Время на размышления о жизни я ценила. Когда я шла на работу и когда возвращалась с неё, появлялась возможность уединиться. Я думала над тем, что Лев Арнольдович с трудом, но издал свою книгу в маленькой типографии. Он мечтал, что его заметят и пригласят на «Радио Свобода» или «Эхо Москвы». Но там никто не догадывался, что где-то живёт Лев Арнольдович Штейн, миротворец, написавший книгу о Кавказе. В ней он собрал свои воспоминания.

Марфа Кондратьевна Тюкина нарочно становилась участницей столкновений с милицией, стояла в пикетах с агитационными плакатами, иногда появлялась на мелких правозащитных порталах, но на «Радио Свобода» и «Эхо Москвы» её тоже не приглашали.

Лев Арнольдович напечатал всего сотню экземпляров – на деньги, которые заработал, делая пиратские диски вместе с Диссидентом Сусликом. Я хотела купить книгу, но Лев Арнольдович не позволил, сказал: «Дарю, Поля!» – и подписал мне тонкую книжку в шестьдесят страниц, похожую на блокнотик.

Было обидно, что книга не попадёт в магазины. Полученный из типографии тираж убрали под раскладушку, а коты подумали, что это для них. То, что мне удалось высушить и почистить, я предложила раздать на митинге. Марфа Кондратьевна недовольно скривилась, так как не хотела конкуренции в правозащитной среде, но под

моим натиском и уговорами мужа согласилась. Вот и всё, чего нам удалось добиться.

Чтобы хоть как-то утолить печаль, Лев Арнольдович решил встретиться с Халилом и Вахтангом Давидовичем на полянке в Битцевском лесопарке. Договорились о месте. Соседи накрыли стол в деревянной беседке, расстелили пледы и стали ждать старого друга.

Мы с детьми тоже собрались погулять у родника, покормить белок и птиц.

– Вместе пойдём! – осушив бутылку вина, заявил Лев Арнольдович. – А то у меня давление что-то подскочило... – На нём была тёплая клетчатая рубашка и тонкие брюки, куртку он надевать не стал.

Любомир и Ульяна радовались крупным снежинкам. Ветер нёс с востока тяжёлые фиолетовые тучи, но их заливал солнечный свет, отчаянно борясь с наступающим снежным фронтом.

Христофор около подъезда подобрал палку и раскидывал листья, заботливо собранные в снопики дворниками-таджиками.

– Я прихватила с собой рюкзак, – сказала Глафира. – На обратном пути зайдём в магазин?

– Возможно, – кивнула я.

Впереди показался мощный кривой дуб и мост, под которым весной бежал бурный ручей. Около дуба Лев Арнольдович закачался сильнее обычного и повалился на землю.

– Папа! Папа! – кинулись к нему дети.

Повращав глазами, он с кряхтением повернулся на бок и уснул.

– Давай отнесём его домой, здесь холодно, – сказала я Глафире.

Но поднять его мы не смогли, как ни пытались.

Христофор, Ульяна и Любомир насобирали жухлых листьев и решили засыпать ими храпящего отца.

– Что вы делаете? – спросила Глафира.

– Накрываем папочку! Листья будут ему вместо одеяла, – ответила Ульяна.

Лев Арнольдович на глазах превращался в холм.

– Если выкопать берлогу, папа впадёт в зимнюю спячку, – пошутила я.

Дети засмеялись, а Лев Арнольдович открыл рот и захрапел ещё громче. Пришлось забрать рюкзак у Глафиры и сунуть ему под голову.

– Будем играть поблизости, папе надо поспать, – сказала я детям.

– Ладно, Полина, – согласились они.

Мы стали играть в прятки и догонялки, но через пару часов всё равно замёрзли. Лев Арнольдович, когда я потрясла его за плечо, открыл глаза.

– Домой пора, папа! – сказали дети.

– Папа, пойдёмте, – попросила я.

– Боюсь, ты, Полина, меня в алкаши запишешь, – саркастически ухмыляясь, произнёс Лев Арнольдович. – А это не так! Каждый мужик на Руси должен выпивать время от времени, мы же не в Чечне живём...

– Замёрзнете, папа, холодно, – ответила на это я и добавила: – Вы бутылку выпили целиком, поэтому вас и шатает.

– Что мне одна бутылка! – махнул рукой Лев Арнольдович. – Алкоголь вообще ни при чём! Во всём атмосфера виновата, давление шалит...

Он встал, мы с Глафирой подхватили его под руки и повели домой. Младшие с пустым рюкзаком бежали за нами. Около подъезда встретили Халила и Вахтанга Давидовича.

– Мы тебя в беседке ждали! У нас был шашлык и водка! Что же ты не добрёл до нас, Лев?! Как же так?! – посетовали они.

Лев Арнольдович нахмурился.

– Поднимемся к нам! – Халил и Вахтанг Давидович пригласили Льва Арнольдовича к себе домой.

«Как замечательно декабрьским вечером после суматошной трудовой недели присесть на лавку в кухне», – думалось мне. Пусть и пришлось лезть в дыру, так как ключ от двери вновь потерян, а ржавый замок перекрывает путь. Я даже с некоторым удовольствием смотрела сквозь дыру в прихожую и видела, как нагая Аксинья выделяет танцевальные па под зажигательные латиноамериканские ритмы, мальчишки бесятся рядом с котами в руках, а Ульяна рисует на полу мелом лошадь, отбросив ногой коврик. Глафира же примостилась в кухне на подоконнике и пыталась под общий шум обсудить со мною жизнь Ницше и труды Шопенгауэра. Таким образом я готовилась к экзамену в университете, а Глафира получала ценные знания о психологии человека.

– Сегодня Революционерка с Партизанкой приедут, – как бы невзначай обронила Глафира.

– Кто?!

– Женщины из Краснодарского края. Они сидели в тюрьме за политические идеи. Создатели группы «Будь твёрд, как Ленин».

– Что за чепуха? – удивилась я.

– Мама, когда уходила, так сказала.

В дверь постучали, и я пошла открывать.

– Вы когда коридор освободите от хлама?! – закричала соседка.

– Делаю что могу, – отмахнулась я.

У лифта стояли две женщины средних лет, худощавые, обе в очках. На них были надеты вязаные свитера и болоньевые куртки, почему-то вывернутые наизнанку. За плечами висели тяжёлые рюкзаки.

– Мы прибыли в столицу порядок наводить, – заявила одна из них. Было件нятно, что она любит выпить: от женщины несло перегаром. – Мы откомандированы в столицу организацией «Свободный Краснодар». Сами родом из деревни Огурцово, – добавила она писклявым голосом.

Разглядывая её, я отметила, что у женщины нечёсанные волосы и этим она похожа на Марфу Кондратьевну.

– Жить тут будем! – тихо, но решительно сказала вторая, пониже росточком; у неё сильно косил левый глаз. Светлые волосы её были коротко подстрижены, в носу блестела круглая железная серьга.

– Здравствуйте, гости дорогие, – сказала я строго. – Кто вы по жизни?

Женщины переглянулись, и по их взгляду я поняла, что с этим они ещё не определились.

– Мы с Марфой Кондратьевной перетёрли всё в переписке... – начала было писклявая.

– Полина, запускай. Свои! – крикнула из прихожей Глафира.

Я посторонилась, и женщины проворно прошмыгнули в квартиру. Бросив рюкзаки у вешалки, они перешагнули через рисунки мелом, игрушки и кошек и, не смущаясь при виде замка на двери, проникли в кухню через дыру, совсем как домочадцы.

– Что, еды совсем нет? – спросила писклявая, предварительно обыскав шкафы и холодильник.

– Кто из вас Революционерка, а кто Партизанка? – поинтересовалась я.

Глафира покраснела, а женщины заулыбались. Светленькая тоже высунулась в дыру.

– Так нас друзья зовут! – пояснила писклявая. – Я Революционерка, потому что придумала нашу группу «Будь твёрд, как Ленин»!

– А я Партизанка, – добавила светловолосая. – Я дерусь с милицией, а потом пишу на них жалобы!

– Еду здесь нужно самим покупать, – предупредила я. – Марфа Кондратьевна в поездках, ей некогда.

– Где мы будем спать? – Женщины вылезли обратно в прихожую.

– Свободное место есть на полу у лоджии. Обычно его занимают чеченцы. Но там сильно дует, – сказала им Глафира.

– Отлично! У нас есть спальный мешок, мы спим вместе, так теплей, – кивнула Революционерка.

В разговоре выяснилось, что им обоим прилично за тридцать, они не замужем, промышляют митингами, вызывающим поведением и что самое главное для них – влезть в элитные правозащитные организации, чтобы получать хорошие деньги.

– В нашей шарашкиной конторе по двадцать тысяч рублей ежемесячно начисляют. Но нужно писать отчёты и вести активную правозащитную деятельность, – пожаловались они. – А крупная рыба по-крупному клюёт!

– Как это?! У воспитателя в детском саду зарплата семь тысяч рублей! У учителя в школе – десять! Я с утра до ночи работаю няней и еле свожу концы с концами. Кто же вам платит?! – ахнула я.

– Специальные фонды. Иностранные вложения для будущей русской демократии... – Революционерка и Партизанка начали отвечать уклончиво, поняв, что я не в теме.

Ещё полчаса они обсуждали более удачливых коллег из правозащитной организации «Мемориал» и ругали их площадной бранью, полагая, что у тех доход гораздо выше, чем у них.

– Поживём у Марфы Кондратьевны год-два, а питаться будем в кафе, – решили женщины.

Планы на столицу у них были грандиозные.

Буквально через два дня Партизанка и Революционерка сорвали первые плоды славы: они забросали яйцами стражей порядка и получили по семь суток. Сразу объявили сухую голодовку, и о них написали в мелких газетах.

Марфа Кондратьевна мрачнела на глазах: с одной стороны, активистки ей искренне понравились, но с другой – конкуренции она не выносила. Как только Революционерку и Партизанку выпустили из СИЗО, она усадила их за стол на кухне и поинтересовалась, не хотят ли они вернуться в родную деревню.

– Ну уж нет! – заявила Революционерка. – Мы поняли своё истинное предназначение! Мы избранные! Мы искореним все беды России! Выйдем на проспект Сахарова или к православному храму, разденемся донага и согнёмся пополам. Пусть все видят, как люди живут в нашей стране: стоя раком.

– Не воруйте чужие идеи! – возмутилась Марфа Кондратьевна. – Это первоначально не ваша идея, этот перформанс мы обсуждали на закрытом собрании, где присутствовал сам... – Она покосилась на меня, чистящую кошачий лоток, и не стала называть имени, а закончила фразу так: – Немалые средства в этот проект вложены. Международные журналисты подключены. Не вздумайте лезть со своей самодеятельностью. Ни к проспекту, ни к храму близко не подходите! У нас долгоиграющие акции, а не стиль «а-ля краснодарские огурцы».

Революционерка и Партизанка нахмурились.

Лев Арнольдович в их разговор не вмешивался. Дети помогали мне – все, кроме Глафиры, которая уткнулась в книгу по истории.

Партизанка не сдержалась:

– Вы, Марфа Кондратьевна, потому так говорите, что считаете, будто Москва – главная. Это не так. Вы москвичка. Вы в правозащитном деле давно и держите нос по ветру. Мы же приехали из провинции, мы свежая кровь. А такие, как вы, не дают нам развернуться. Пора уступить дорогу молодым.

– Я всегда готова поддержать истинных борцов с режимом, – моментально нашлась Тюкина. – Вы уже познакомились с Ричардом Янгом?

– О! Это известная шишка. Он курирует многие проекты, в том числе «Свободный Краснодар». Его идея, чтобы Краснодарский край отделился от России и стал отдельным государством со своей экономикой. Свои визы, свои паспорта, своя валюта... Много валюты! – мечтательно сказала Революционерка.

– Ричард – мой близкий друг. – Марфа Кондратьевна улыбнулась, и, судя по её лучезарному настроению, это не предвещало неопитам-правозащитникам ничего хорошего.

Но гости приняли её хитрость за чистую монету.

– Если вы нас поддержите, мы будем вас слушаться и выполнять любые задания, госпожа Тюкина, – поставила условие Партизанка.

– Вот и славно! – Марфа Кондратьевна потёрла руки.

– Скоро опять пойдём бить милицию! – сообщила Революционерка. – А может, и нас побьют дубинкой, как однажды в Краснодаре у городской администрации. Это только первый раз неприятно, а потом привыкаешь и ловишь кайф!

– Да! – поддержала её Партизанка. – Плывёшь по волнам наслаждения, когда эти нелюди-ментозавры прохо-

дятся по тебе дубинкой, один раз – по спине, потом ещё – по груди! Однажды я даже под милицейский уазик легла, но они, сволочи, по мне не проехали.

– Может, вам замуж выйти? Как психолог спрашиваю, – сказала я из прихожей.

– Мы летим не по этой траектории, – огрызнулась Партизанка. – У нас женский свободный союз...

– Союз Инессы Арманд, что ли? За свободу от брака? – наострила уши Глафира, выглядывая из-за толстенной книги.

– Чтобы этих разговоров в моём доме не было! – неожиданно резко прикрикнула на гостей Марфа Кондратьевна. – Я вас предупреждала!

– Согласны, хозяйка, – покорно ответили активистки. Мы с Глафирой переглянулись и хихикнули.

Окончание следует.